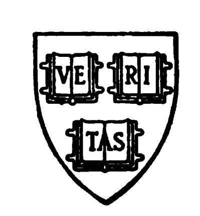
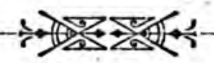

VE
RI
TAS

А. А. Титовъ.

Изъ воспоминаній о студенческомъ движеніи 1901 г.

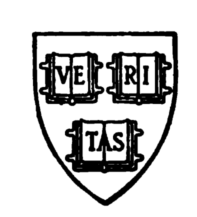
МОСКВА.

Изданіе В. М. Саблина.

МОСКВА—1906
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
Леонтьевскій переулокъ, домъ № 5.

VE
RI
TAS

Изъ воспоминаній о студенческомъ движеніи 1901 года.

(Москва).

Въ исторіи нашего освободительнаго движенія студенческія волненія займутъ, безъ сомнѣнія, не послѣднее мѣсто. Активные протесты студенчества, какъ передовой фаланги общества, всякій разъ вызывали и у общества и у правительства сильную реакцію на нихъ. Такъ или иначе, эти движенія выводили общественныя силы изъ того искусственнаго и молчаливо-пассивнаго „равновѣсія“, въ которомъ пыталось всячески удерживать ихъ абсолютистско-бюрократическое правительство. И эти толчки бывали сильны даже тогда, когда студенческое движеніе направлялось противъ спеціальныхъ, частныхъ стѣсненій, преслѣдованій или каръ, только косвенно затрагивая основную ихъ причину, общій первоисточникъ всѣхъ правоотрицаній въ странѣ. Въ этомъ смыслѣ предлагаемый читателю очеркъ движенія 1901 года и находитъ оправданіе своему появленію въ свѣтъ, какъ воспоминаніе о движеніи, почти не оставлявшемъ почвы академическаго протеста, возбудившаго живыя симпатіи и сочувствіе широкихъ общественныхъ круговъ и, къ тому же, завершившагося побѣдой по основному пункту требованій.

1*

Пишущій эти строки ни въ какой степени не претендуетъ ни на полноту фактовъ, ни на ихъ идеологическое освѣщеніе. Задачей предлагаемаго очерка является лишь посильная передача пережитыхъ событій и впечатлѣній, быть можетъ не лишенныхъ нѣкотораго интереса для широкихъ круговъ общества. Настоящія строки — просто рядъ воспоминаній одного изъ рядовыхъ участниковъ, который хотѣлъ бы подѣлиться съ читателемъ пережитыми впечатлѣніями. Для сколько-нибудь точной и полной картины студенческаго движенія 1901 года въ Москвѣ въ распоряженіи пишущаго нѣтъ, къ сожалѣнію, достаточныхъ матеріаловъ.

I.

Съ тяжелымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ приподнятымъ чувствомъ съѣзжалось студенчество осенью 1900 года въ Москву. Жестокія репрессіи прошлаго года, принятыя правительствомъ противъ все крѣпнувшихъ политическихъ протестовъ русскаго студенчества, закончились изданіемъ „временныхъ правилъ 29 іюля“, которыя вернули русское общество къ временамъ Николая I. Новыя „временныя правила“ карали студентовъ за „учиненіе скопомъ безпорядковъ“ „исключеніемъ изъ университета и отдачей въ солдаты“, „хотя бы они имѣли льготу по семейному положенію, либо по образованію, или не достигли призывного возраста, или же вынули по жребію нумеръ, освобождающій отъ службы въ войскахъ“.— [1]) Даже болѣзнь, или физическіе недостатки

[1]) Ст. 1. „Времен. правилъ“ 29 іюля 1900 г. Примѣчаніе къ этой статьѣ гласило: „Мѣра сія не освобождаетъ виновныхъ въ совершеніи преступныхъ дѣяній, подлежащихъ преслѣдованію на основаніи существующихъ узаконеній, отъ отвѣтственности въ установленномъ порядкѣ“.—

по „правиламъ“ въ разсчетъ не принимались: по ст. 8,— „подлежащій зачисленію въ войска, оказавшійся, по медицинскомъ освидѣтельствованіи, не способнымъ къ службѣ въ строю, опредѣляется на должности нестроевыя“. – Обнародованіе „временныхъ правилъ“, а затѣмъ суровое примѣненіе ихъ, встрѣтило, конечно, общій дружный протестъ. Общество, раньше въ большинствѣ своемъ осуждавшее студентовъ за активное участіе „въ политикѣ“— тутъ невольно дрогнуло и возмущенное жестокостью репрессіи рѣзко перемѣнило свое отношеніе къ студенческимъ протестамъ. Въ арміи, всегда относившейся къ студенчеству съ высоты своей „вѣрноподданической преданности Престолу и Отечеству“,—на этотъ разъ раздались повсюду голоса, указывавшіе на многія „неудобныя“ стороны примѣняемой „мѣры“. Многіе же прямо указывали на коренное противорѣчіе, въ которое поставило правительство общепринятое понятіе о солдатской службѣ: съ одной стороны—званіе солдата есть „высокое званіе“, а съ другой—возложеніе этого „высокаго“ званія на „провинившагося“ студента есть опредѣленная кара, налагаемая за участіе въ студенческихъ волненіяхъ. Нечего, конечно, останавливаться на томъ, какъ отнеслось къ этому новому изобрѣтенію гг. Сипягина [1]) и Боголѣпова [2]) само студенчество. Но ему необходимо было отлить свое отношеніе къ временнымъ правиламъ въ мощную опредѣленную формулу общестуденческаго протеста. Лозунгъ протеста въ начинавшемся академическомъ году выливался самъ собой: „долой временныя правила объ отдачѣ въ солдаты!“ Изъ него вытекали, естественно, ближайшія практическія требованія: возвратъ пострадавшихъ товарищей, измѣненіе Устава на автономныхъ началахъ, свобода сходокъ и организацій,

[1]) Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ.

[2]) Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія.

Броженіе, начавшееся на почвѣ протеста противъ объявленной дикой и безсмысленной репрессіи, сейчасъ же по съѣздѣ студенчества, захватывало въ свой водоворотъ все большія массы учащейся молодежи въ Москвѣ. Нормальная академическая жизнь шла безъ перерыва, но съ каждымъ днемъ атмосфера протеста сгущалась и настроеніе дѣлалось напряженнѣе, отыскивая себѣ выходъ.

Въ началѣ октября разнесся слухъ, что профессоръ К. А. Тимирязевъ покидаетъ Московскій университетъ изъ-за непріятностей, возникшихъ на почвѣ какихъ-то нелѣпыхъ и гнусныхъ доносовъ въ министерство. Эта вѣсть горячимъ вихремъ пронеслась по университету. Къ понесеннымъ изъ-за полицейскаго режима тяжелымъ потерямъ — въ лицѣ профессоровъ Эрисмана, Карѣева, Ковалевскаго, Виноградова—грозила присоединиться новая потеря. Въ лицѣ глубокоуважаемаго профессора Тимирязева Московскій университетъ лишился бы одного изъ самыхъ талантливыхъ своихъ дѣятелей, одной изъ крупнѣйшихъ ученыхъ силъ Россіи, а московское студенчество утратило бы одного изъ самыхъ надежныхъ своихъ друзей, горячо любимаго учителя, чутко и непоколебимо державшагося лучшихъ завѣтовъ, благороднѣйшихъ традицій матери русскихъ университетовъ.

Вѣсти о положеніи дѣла колебались отъ самыхъ зловѣщихъ до неопредѣленныхъ. И изъ профессорскихъ круговъ и изъ студенческой среды дружно зазвучали по адресу профессора настойчивыя просьбы — не покидать университетъ, не лишать его столь надежной опоры научнаго и нравственнаго авторитета... Наконецъ, съ облегченнымъ сердцемъ вздохнули всѣ: „Тимирязевъ остается, его лекція назначена на 8-е“. Но 8-го лекція не состоялась, ее перенесли на 12-е, потомъ на нѣсколько дней еще. Этотъ день первой лекціи профессора Тимирязева послѣ возникшихъ осложненій былъ днемъ

истиннаго тріумфа научнаго и нравственнаго авторитета К. А. Лекція объявлена была въ 12 часовъ. Въ 11 уже едва можно было пробраться въ большую физическую аудиторію (нынѣ она перенесена въ другое помѣщеніе). Не только огромный амфитеатръ (разсчитанный на 700 слишкомъ мѣстъ) былъ буквально запруженъ, но и прилегающая площадка лѣстницы и самая лѣстница—были биткомъ набиты студентами. Появленіе профессора было встрѣчено неистовымъ громомъ аплодисментовъ, аудиторія стонала отъ восторженныхъ привѣтствій и со всѣхъ сторонъ на длинный столъ, за которымъ стоялъ и раскланивался профессоръ, сыпались дождемъ живые цвѣты. Когда аудиторія успокоилась, началось чтеніе привѣтственныхъ адресовъ отъ разныхъ факультетовъ и курсовъ... Въ разной формѣ всѣ адреса передавали одно общее чувство, одно общее сознаніе,—глубокой признательности профессору за тотъ стоицизмъ, съ которымъ К А. Тимирязевъ всегда отстаивалъ интересы свободной науки... На длинный рядъ привѣтствій, среди мертвой тишины, раздалось коротенькое отвѣтное слово К. А., въ которомъ онъ указалъ на три путеводныя звѣзды всей его дѣятельности: вѣру въ науку, любовь къ наукѣ и надежду на молодыя силы, посвящающія себя наукѣ... Дружные аплодисменты и возгласы покрыли слова профессора, и аудиторія стала пустѣть, т. к. профессоръ приступилъ затѣмъ къ предмету лекціи. Остались только слушатели-естественники III-го курса.

Этотъ инцидентъ не имѣетъ, конечно, связи съ послѣдовавшими событіями. Но, да простятъ автору глубокочтимый К. А. и читатель это отступленіе: въ то время, среди мрачныхъ будней мертвой формалистики и полицейскаго режима—день лекціи ученаго, едва не оставившаго кафедры изъ-за клеветы и гнусныхъ доносовъ,—этотъ прекрасный день былъ такимъ нравственно-бодрящимъ праздникомъ, который невольно встаетъ въ душѣ

при воспоминанiи о событiяхъ этого года. Этотъ день, въ силу контраста, живо напомнилъ о всѣхъ печальныхъ язвахъ университетской жизни и, не сомнѣваюсь, для многихъ сдѣлался мѣриломъ того, к а к и м ъ могъ бы быть настоящiй университетскiй режимъ взаимнаго довѣрiя, уваженiя и отзывчивости обѣихъ коллегiй — профессорской и студенческой.

Осеннiй семестръ „благополучно" подходилъ къ концу. Но чѣмъ ближе къ рождественскимъ каникуламъ, тѣмъ отчетливѣе сознавалось, что этотъ годъ не можетъ кончиться „мирно". Работа по организацiи протеста шла полнымъ ходомъ, подогрѣваемая энергiей уцѣлѣвшихъ отъ погрома 99 года. Съ самаго начала весенняго семестра 1901 года стали происходить отдѣльныя курсовыя сходки, на которыхъ все опредѣленнѣе выяснялась тенденцiя московскаго студенчества—поднять знамя протеста противъ драконовской „мѣры устрашенiя" правительства.

29-го января состоялась первая большая сходка. На нее явилось человѣкъ 250—300. Поводомъ къ ней послужило извѣстiе о событiяхъ въ Кiевскомъ университетѣ и объ отдачѣ „виновныхъ въ учиненныхъ безпорядкахъ" на основанiи „временныхъ правилъ 29-го iюля" въ солдаты. По многимъ случайнымъ причинамъ эта сходка, какъ по недостаточному числу участниковъ, такъ и по незаконченности своей, не могла имѣть никакого рѣшающаго значенiя. Выраженiе протеста должно было носить общестуденческiй характеръ, и на организацiонную подготовку *такого* протеста, который былъ бы услышанъ и обществомъ, и правительствомъ, потребовалось время.

Послѣ этой сходки Московскiй Исполнительный Комитетъ объединенныхъ землячествъ и организацiй выпустилъ къ свѣдѣнiю студенчества и общества слѣдующее сообщенiе:

„8 февраля, въ годовщину жестокой расправы нагай-

ками надъ русской учащейся молодежью, было разослано слѣдующее возмутительное обращеніе къ родителямъ питомцевъ старѣйшаго русскаго университета. Доводя до свѣдѣнія товарищей объ этомъ, Исп. Ком. надѣется, что студенты-москвичи оцѣнятъ по достоинству эту новую форму лицемѣрнаго воздѣйствія на убѣжденія студентовъ, относительно которой Исп. Ком. думаетъ поговорить особо".

Моск. Исп. Ком. объед. земляч. и органиЗ.

КЪ СВѢДѢНІЮ РОДИТЕЛЕЙ.

29 янв. сего года въ Московскомъ Ун-тѣ собралась въ количествѣ около 300 человѣкъ сходка, вопреки не только существующимъ правиламъ, но и несмотря на особыя на этотъ случай предупрежденія и воспрещенія. Участники сходки позволили себѣ насильственно вытѣснить изъ залы, въ которой собрались, инспекцію и затѣмъ предъявили г. Ректору неисполнимыя противозаконныя требованія, подкрѣпляя ихъ рѣшеніемъ произвести „забастовку" съ примѣненіемъ „обструкціи", что означаетъ упорное по уговору уклоненіе отъ учебныхъ занятій и подстрекательство къ таковому же уклоненію товарищей. Проступокъ этотъ, если провинившимися будетъ проявлено упорство, влечетъ по закону большую отвѣтственность какъ совершенно несовмѣстимый съ пребываніемъ ихъ въ учебномъ заведеніи. Но большинство провинившихся принадлежитъ къ младшимъ курсамъ и могли дѣйствовать безсознательно, подъ давленіемъ злонамѣренныхъ лицъ, а потому педагогическій составъ Ун-тета обращается къ увлеченнымъ съ увѣщаніемъ немедленно отказаться отъ противозаконнаго образа дѣйствій и подчиниться безусловно всѣмъ дѣйствующимъ университескимъ правиламъ, дабы тѣмъ самымъ сдѣлать возможнымъ, при

условіи искренняго раскаянія въ совершенныхъ проступкахъ, дальнѣйшее пребываніе ихъ въ университетѣ.

Инспекторъ студентовъ считаетъ своимъ долгомъ освѣдомить объ этомъ также и родителей провинившихся студентовъ въ надеждѣ, что они примутъ надлежащія мѣры воздѣйствія на своихъ дѣтей къ ихъ благу.

Инспекторъ студентовъ Р. Державинъ.

8 февраля, 1901 г.

Надо ли что-нибудь добавлять къ этому краснорѣчивому документу, исполненному столь трогательной заботы о студенческой невинности и столь циничнаго разсчета на „надлежащія мѣры воздѣйствія“ родителей на своихъ дѣтей „къ ихъ благу“?!.

Наконецъ, стало извѣстно Москвѣ, что общая студенческая сходка для выясненія вопроса объ отношеніи московскаго студенчества къ общему положенію дѣлъ и въ частности—къ „временнымъ правиламъ“,—назначена на 23 февраля.

II.

Перехожу здѣсь къ передачѣ того, чему самъ былъ свидѣтелемъ, въ чемъ самому мнѣ довелось принять участіе.

Утромъ узнаю объ арестахъ, „обычно“ совершавшихся передъ каждой студенческой сходкой. Назначено было собраться къ 12 часамъ во дворѣ „стараго“ университета.

Подходя по Б. Никитской къ углу Моховой, я издали еще увидѣлъ перебѣгавшій черезъ площадь, отъ Манежа къ Университету, большой отрядъ полицейскихъ. Въ воротахъ Манежа виднѣлась полиція и гвардейцы. Конецъ Никитской былъ заполненъ публикой, толпившейся въ перемежку со студентами. Однако, движеніе экипажей и публики совершалось еще безпрепятственно. Завернувъ

налѣво и проходя мимо рѣшетки, я увидѣлъ университетскій дворъ заполненнымъ густыми группами студентовъ, а у узенькой дверки, ведущей во дворъ, наткулся на полицейскаго офицера, любезно посторонившагося, со словами: „пожалуйте, входить можно". Дальше, по Моховой, толпилась публика, и слышались „увѣщеванія" полицейскихъ чиновъ; у противоположнаго тротуара стояли вытянутой шеренгой конные жандармы при офицерахъ.

Вошелъ во дворъ, здороваюсь съ товарищами, узнаю, что сходка назначена въ актовомъ залѣ, и что скоро начнется. Многіе, черезъ рѣшетку двора, переговаривались со стоявшими на троттуарѣ. Поджидали, пока соберется больше народу. Кое-гдѣ стали раздаваться нетерпѣливые голоса, призывавшіе къ дѣлу.

— Долго ли будемъ такъ стоять?

— Пошли говорить съ ректоромъ...[1])

— Да, вѣдь, ректоръ все равно, „не дозволитъ", не дастъ залу?

— Не дастъ, сами возьмемъ!..

— Это только „для проформы" съ нимъ разговоры ведутъ...

Перебрасываясь, фразы становятся острѣе, вылетаютъ веселыя шутки, громкій хохотъ отъ ловко сказанной остроты. Настроеніе поднимается, и изъ какого-то полуувѣреннаго, какимъ я захватилъ его, переходитъ въ веселый, бодрящій задоръ, искрящуюся отвагу молодости, добродушный и беззаботный юморъ. На высокой площадкѣ центральнаго корпуса показывается группа, машутъ руками:

— Товарищи, идите! Залу отперли, идите! Зовите всѣхъ, не теряйте времени...

---

[1]) Ректоромъ тогда былъ Александръ Андреевичъ Тихоміровъ, перебравшійся затѣмъ въ директора департамента М. Н. Пр., и ушедшій въ отставку послѣ крушенія сочиненнаго подъ его руководствомъ проекта университетскаго устава.

Разбросанныя по двору группы быстро соединяются, и общимъ длиннымъ хвостомъ устремляются на площадку и въ распахнутыя двери. Стоящіе у воротъ въ канцелярію „субы"[1]) и педеля высматриваютъ, отыскивая въ проходящей вереницѣ, каждый „своихъ", т.-е. „со своего" курса студентовъ. Пріемъ обычный! Отъ „старыхъ" студентовъ летятъ въ упоръ весьма недвусмысленныя привѣтствія. „Субы" дѣлаютъ видъ, что не слышатъ и заняты своимъ разговоромъ.

Съ общимъ потокомъ студентовъ протискиваюсь и я черезъ двери въ длинный, низкій корридоръ, а оттуда наверхъ къ залѣ. Въ залу попадаю какимъ-то боковымъ входомъ, черезъ распахнутую деревянную низенькую дверку.

Актовая зала быстро наполняется. Вошедшіе раньше занимаютъ стулья; скоро уже сидятъ по-двое; остальнымъ приходится стоять, сидѣть на подоконникахъ. Среди студентовъ университета отдѣльно и небольшими группами виднѣются воспитаники Константиновскаго Межеваго Института, Императ. Техн. Училища, Сельско-хозяйственнаго Института, и слушательницы курсовъ. Изъ группы, занимающей эстраду, отдѣляется студентъ восточнаго типа, грузинъ, и энергичнымъ голосомъ предлагаетъ избрать предсѣдателемъ товарища Х—а. Фамилія многимъ извѣстна... Раздаются крики: „просимъ, просимъ!" Коегдѣ выкликаютъ другія фамиліи.

Предсѣдательствующій открываетъ собраніе небольшой вступительной рѣчью, въ которой обрисовываетъ въ сжатыхъ энергичныхъ выраженіяхъ современное положеніе русскаго студенчества, напоминаетъ собранію о событіяхъ 99 года, о введеніи и примѣненіи „временныхъ правилъ", и предлагаетъ собранію установить порядокъ дня.

---

[1]) Помощники инспектора, чины университетской инспекціи, т.-е. внутренной университетской полиціи.

Я принужденъ здѣсь немного отступить отъ дальнѣйшаго описанія событій, чтобы напомнить читателю о томъ расколѣ, который выяснился въ студенческой средѣ къ описываемому времени. Дѣло въ томъ, что подъ вліяніемъ цѣлаго ряда факторовъ, изъ которыхъ нельзя не упомянуть о „воспитательныхъ воздѣйствіяхъ“ правительства и искусственно созданной разъединенности студенчества, разграничились на сторонниковъ „политики“ и на сторонниковъ „академическихъ реформъ“. Первые, какъ и раньше, ставили на первый планъ измѣненіе основныхъ условій государственнаго строя, справедливо считая, что только съ устраненіемъ абсолютизма возможны для высшей школы нормальныя условія автономной жизни. Что нѣтъ никакихъ устойчивыхъ данныхъ для того, чтобы добиться автономіи высшихъ учебныхъ заведеній въ странѣ, гдѣ господствуетъ самодержавно-бюрократическій режимъ. И потому, для достиженія частныхъ освободительныхъ цѣлей, каковой является введеніе нормативнаго автономнаго строя высшей школы - необходимо направить всѣ усилія на достиженіе основной освободительной цѣли—замѣны самодержавнаго строя конституціоннымъ. Для задачъ автономнаго строя высшей школы, конечно, не существенно, добьется ли освободительное движеніе конституціонно-монархическаго образа правленія или республиканскаго. Кореннымъ условіемъ для нормальнаго преобразованія высшей школы является прежде всего переходъ отъ самодержавія къ народному представительству, которое одно способно установить въ Россіи необходимую свободу, законность и правопорядокъ, и дать высшей школѣ автономію, на ряду съ автономіей окраинъ и органовъ общественнаго самоуправленія. При самодержавномъ же строѣ автономія высшей школы явилась бы какимъ то непостижимымъ чудо-островомъ среди океана абсолютистскихъ институтовъ, и академическія вольности были бы несообразны съ повсемѣстнымъ безправіемъ

однихъ и безграничнымъ произволомъ другихъ, какъ это и случилось съ университетскимъ уставомъ 64-го года. Студенчество должно добиваться свободы и правъ не для себя, а для всего народа, на средства котораго оно воспитывается и на работу и служеніе которому потомъ понесетъ свое знаніе, и нравственно обязано, не останавливаясь ни передъ какими жертвами, отдать свои силы на подготовку возможно широкаго общественнаго освободительнаго движенія, которое и выведетъ задушенную тисками абсолютизма страну на путь свободнаго прогрессивнаго развитія.

Таковы были, въ общихъ чертахъ, взгляды и аргументы „политиковъ".

„Академисты", наоборотъ,—считали, что университетъ не должно дѣлать „политическимъ клубомъ", что студенчеству нужно добиваться только академическихъ реформъ, стоя на почвѣ строго-академическихъ интересовъ. Что если студенчество станетъ добиваться сначала ограниченія самодержавія, то улучшенія академическаго строя не дождутся и сыновья теперешнихъ студентовъ. Что самодержавіе еще сильно и современный политическій строй Россіи далеко не такъ подгнилъ и расшатался, какъ полагаютъ „политики". Что, наконецъ, само общество настолько политически равнодушно, настолько стоитъ еще на почвѣ абсолютическихъ воззрѣній, что разсчитывать пробудить въ немъ активное участіе, побудить его открыто примкнуть къ осуществленію студенческихъ „мечтаній" о „великой россійской революціи"—равносильно прямой фантастикѣ и наивной близорукости. Что надо оставить „революціонныя бредни" о сверженіи самодержавія, а добиваться возможнаго „улучшенія академическаго быта", выставляя „вполнѣ осуществимыя" *просьбы* „объ удовлетвореніи насущныхъ академическихъ нуждъ"...

Вотъ, между прочимъ, какъ опредѣляла свои задачи зародившаяся позднѣе организація „сторонниковъ университетской свободы":

„Наша цѣль — борьба академическими средствами на академической почвѣ за университетскую свободу, какъ средство къ осуществленію культурно-просвѣтительной роли университета. *Мы относимся отрицательно ко всякому участію университета въ политической дѣятельности*, въ виду слѣдующихъ соображеній: 1) такое участіе не согласно съ нашимъ принципіальнымъ взглядомъ на университетъ, какъ на силу культурно-просвѣтительную; 2) студенчество не представляетъ собою единаго цѣлаго такъ какъ состоитъ изъ представителей разнообразныхъ общественныхъ классовъ и потому не можетъ имѣть опредѣленной политической программы" [1]).

На чьей сторонѣ была истина — теперь всякому ясно: борьба за университетскую свободу «академическими средствами на академической почвѣ» не привела ни къ какимъ результатамъ: автономныя начала высшая школа получила лишь при первыхъ разскатахъ надвинувшейся революціонной бури.

Переходя теперь къ дальнѣйшему своему разсказу, долженъ оговориться, что въ мою задачу не входитъ передача дебатовъ между сторонниками указанныхъ сейчасъ двухъ теченій. Думаю, что только точная запись происходившихъ преній въ протоколахъ сходки представляла бы настоящій интересъ. Укажу только на тотъ безспорный фактъ, что на сходкѣ 23 февраля *„академистовъ" было подавляющее большинство*. Не удивительно, что собраніе съ самаго начала постановило предложить ораторамъ держаться строгихъ рамокъ выдвинутыхъ академической жизнью вопросовъ — главнымъ образомъ о заявленіи московскимъ студенчествомъ протеста противъ „временныхъ правилъ" и выраженіи требованія вернуть постра-

---

[1]) См. прокламацію № 1, отъ 15-го ноября 1901 г., Москва, за подписью: „Сторонники Университетской свободы".
Курсивъ нашъ.

давшихъ въ 99 году товарищей другихъ университетовъ, а также и взятыхъ изъ Кіевскаго университета въ солдаты за волненія текущаго года. Поэтому, хотя и были чисто политическія рѣчи, но собраніе относилось къ нимъ съ ясно выраженнымъ нетерпѣніемъ, считая, что „политическіе“ ораторы только задерживаютъ выясненіе резолюціи по основному вопросу дня, когда время дорого, и съ минуты на минуту собраніе можетъ быть закрыто вмѣшательствомъ полиціи или войскъ. Однако, начавшись около часу дня, дебаты шли съ небольшимъ перерывомъ до 4-хъ часовъ.

III.

Сходка шла шумно, безпорядочно... Чѣмъ дальше, тѣмъ скрытая борьба двухъ лагерей „политиковъ“ и „академистовъ“ все сильнѣе разгоралась, собраніе становилось бурнымъ, рѣчи стали прерываться рѣзкими замѣчаніями...

Центральный вопросъ дня — вопросъ о „временныхъ правилахъ“—самъ по себѣ не вызывалъ, разумѣется, никакихъ возраженій. Протестъ противъ „правилъ“ послужилъ объединяющимъ лозунгомъ для собравшихся. Но формы протеста, способы его наиболѣе вѣскаго и солидарнаго выраженія, тактика этого протеста, — явились богатой темой для самыхъ бурныхъ перекрестныхъ преній. Требовалось, чтобы протестъ былъ услышанъ не только правительствомъ и обществомъ, но и поддержанъ послѣднимъ и всѣми высшими заведеніями, которыхъ могли касаться „правила“. Въ то же время указывалось, какъ на прямую тактическую необходимость, сдѣлать самую форму протеста настолько лояльной, чтобы его могли поддержать возможно широкіе круги общества. Вокругъ этой дилеммы, вмѣстить протестъ во внушительныя и въ то же время вполнѣ корректныя рамки

й вращались всѣ пренія по вопросу о протестѣ противъ „временныхъ правилъ". Въ концѣ-концовъ, собраніе приняло резолюцію, содержаніе которой сводилось къ заявленію отъ лица всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній Москвы единодушнаго протеста противъ примѣненій и существованія „временныхъ правилъ", *требованія* немедленной ихъ отмѣны, возвращенія пострадавшихъ товарищей, съ присоединеніемъ указаній на неотложную необходимость коренныхъ реформъ академическаго строя на автономныхъ началахъ. Протестъ долженъ быть подкрѣпленъ всеобщей забастовкой высшихъ учебныхъ заведеній Имперіи.

Принятая резолюція черезъ особую депутацію отсылается къ ректору. Вернувшись, депутаты сообщаютъ собранію, что ректоръ согласился принять отъ нихъ текстъ резолюціи и обѣщалъ сообщить ее попечителю округа, но при этомъ потребовалъ передачи въ распоряженіе жандармеріи всѣхъ, присутствующихъ на сходкѣ лицъ, не принадлежащихъ къ числу студентовъ университета. Въ случаѣ согласія, ректоръ обѣщалъ остальныхъ участниковъ сходки отпустить по домамъ, переписавъ ихъ фамиліи.

Это сообщеніе встрѣчается свистками и общимъ бурнымъ негодованіемъ.

Изъ оконъ, выходящихъ на университетскій наружный дворъ, т. е. на Моховую, вывѣшиваются заготовленные аншлаги съ надписью крупными буквами:

„Требуемъ отмѣны временныхъ правилъ и возврата товарищей".

Порѣшивъ коренной вопросъ, перешли къ вопросу какъ выходить на улицу? Спокойно или демонстративно? Входитъ товарищъ и заявляетъ, что во дворѣ—полиція, а университетъ оцѣпленъ войсками. Собраніе встрѣчаетъ это извѣстіе смѣхомъ: уже принято рѣшеніе направиться къ попечителю округа, чтобы вручить ему нашу резо-

люцію, а если сходку арестуютъ, то подчиниться безпрекословно распоряженіямъ властей и безъ пѣнія итти, куда поведутъ. Собраніе закрываютъ, зала гудитъ, какъ улей, отъ разговоровъ... Всѣ возбуждены, устали и голодны. Переговариваясь, сходятъ внизъ, одѣваются и выходятъ на дворъ. Субы и педеля, ожидавшіе окончанія сходки, снова принимаются за высматриваніе „своихъ" студентовъ и запись фамилій. Правый уголъ двора занятъ большимъ отрядомъ полиціи. За рѣшеткой на Моховой выстроены конные жандармы. Ворота и входная калитка заперты на замокъ, у нихъ стоятъ университетскіе дворники. Подходимъ къ воротамъ. Появляется фигура одного изъ московскихъ полиціймейстеровъ, барона Будберга. Онъ заявляетъ на наши вопросы, что „по приказанію г. оберъ-полиціймейстера генералъ-маіора Трепова" мы арестованы и для удостовѣренія личности должны быть препровождены въ Манежъ.

— Сдѣлайте одолженіе! — отвѣчаютъ ему.—Мы ничего не имѣемъ противъ.

Нахмуренная физіономія г. полиціймейстера мгновенно мѣняетъ свое выраженіе на самую радостную и джентльменскую улыбку.

— Очень радъ, господа, очень радъ... Виноватъ, я сейчасъ отдамъ нужныя распоряженія, — говоритъ полковникъ и торопливо скрывается.

Слышится какая-то команда. Конные жандармы перестраиваются, звякаютъ шашки... Черезъ нѣсколько минутъ раскрывается дверка, и мы выходимъ на Моховую. Насъ ожидаетъ растянутое карре войскъ. Три цѣпи: внутри полицейскіе, за ними солдаты безъ ружей, за ними — конные жандармы.

Улица наполнилась нами, университетскій дворъ опустѣлъ; сквозь рѣшетку виднѣлись только „субы", педеля и полицейскіе офицеры. Шествіе тронулось. Два-три голоса начали было „марсельезу", но шедшіе рядомъ тот-

часъ остановили „любителей“, громко напомнивъ о постановленіи сходки. Молча, медленно шагали мы по разсыпавшемуся, какъ песокъ, снѣгу. Въ окнахъ магазиновъ и квартиръ виднѣлись физіономіи любопытныхъ... Въ нашемъ молчаливомъ шествіи чувствовалась спокойная сила рѣшимости. И это невольно передавалось другъ другу. Старыя стѣны университета, слышавшія рѣчи „исключеннаго за неспособность“, „неистоваго Виссаріона“ и тихій голосъ Т. Н. Грановскаго, казалось, молчаливо посылали намъ свое одобреніе и хмурились на нашу многочисленную стражу. Такъ дошли мы до угла Никитской. Тутъ пришлось остановиться. Выходила какая-то заминка. Выглянувъ изъ-за головъ товарищей, полицейскихъ и солдатъ, я увидѣлъ Никитскую, запруженную народомъ. Мелькали кое-гдѣ и студенческія пальто. Дальше, къ манежу — опять огромная толпа. Намъ машутъ платками, шляпами, фуражками. Толпа съ Никитской напираетъ, волнуется, слышатся привѣтственные крики. Конные жандармы пробуютъ оттѣснить отъ насъ толпу, но она уже хлынула къ намъ, неудержимымъ потокомъ прорвала всѣ три цѣпи нашей стражи, и среди насъ уже десятки, сотни людей разныхъ половъ, возрастовъ, положеній, и эти незнакомые, совсѣмъ чужіе люди обнимаютъ насъ, пожимаютъ намъ руки, задыхаются отъ волненія, и можно едва понять изъ ихъ словъ, что они за насъ... За насъ! Громкое ура вырывается изъ нашей толпы, и такіе-же возгласы несутся къ намъ съ Никитской. Энтузіазмъ съ обѣихъ сторонъ достигаетъ всей силы искренности и солидарности... Мы чувствуемъ себя однимъ цѣлымъ, хотя жандармы и драгуны уже снова разъединили насъ съ толпой... Часть ея однако, смѣшавшись съ нами, остается. Насъ стараются продвинуть къ манежу, но раздаются изъ нашей среды крики:

— Стойте, товарищи! Слушайте, будутъ говорить! Стойте!..

Дѣйствительно, на чугунный пьедесталъ электрическаго фонаря уже взобрался товарищъ К., и оттуда звучитъ его горячая импровизація. Мнѣ трудно слушать ее, я далеко отъ оратора. Долетаютъ только отдѣльныя слова и отрывки: „мы апеллируемъ къ обществу... довольно произвола... страна задушена полицейскимъ гнетомъ... долой правительство убійцъ, воровъ и провокаторовъ!"... Черезъ головы нашихъ жандармовъ летятъ въ публику прокламаціонные листки; ихъ на-лету ловятъ. Ревъ голосовъ несется отъ той, свободной толпы... На насъ напираютъ три цѣпи конвоя, жандармы выхватываютъ нагайки и машутъ ими съ озвѣрѣлыми лицами. Еще нѣсколько секундъ и разразится отвратительное побоище...

— Товарищи, въ манежъ! Довольно! Идемъ въ манежъ, въ манежъ!

Шествіе снова трогается, а тамъ, за спинами солдатъ и жандармовъ, все еще раздаются дружественные намъ крики и возгласы. Тяжелыя окованныя створки низкихъ дверей манежа распахнуты и ждутъ насъ. Около нихъ группа полицейскаго начальства, солдаты и пѣшіе казаки. Нашъ тройной конвой стискиваетъ насъ все тѣснѣе, и подъ напоромъ его мы едва пролѣзаемъ въ узкія дверцы манежа. Какъ будто мы можемъ убѣжать! Какъ будто мы сами собой не войдемъ, послѣ того, что дали арестовать себя безъ всякаго спора, безъ малѣйшихъ возраженій! Какъ унизительны и нелѣпы эти подгоняющіе насъ окрики и толчки солдатъ и полицейскихъ!...

IV.

... „Отречемся отъ стараго мі-і-ра,
„Отрясемъ его прахъ съ нашихъ ногъ!...

Отважная, мощная, завоевавшая весь міръ марсельская пѣсня несется навстрѣчу намъ изъ огромной залы манежа. Мы подхватываемъ, и съ каждой секундой хоръ

крѣпнетъ, и сразу слетаетъ усталость. Оказывается, насъ уже давно ждутъ здѣсь человѣкъ сто, которыхъ полиція не смогла заставить уйти съ Моховой и рѣшила „загнать" въ манежъ. Мужчины, женщины, студенты, курсистки... Съ улицы несется та же подмывающая пѣсня, потомъ смѣняется неяснымъ гуломъ: двери въ манежъ закрылись. Но за ними—слышна огромная толпа, окружающая манежъ.

Длиннѣйшая зала его не вся въ нашемъ распоряженіи: какъ разъ поперекъ она перегорожена цѣпью солдатъ безъ оружія, за которой мы видимъ казаковъ съ лошадьми и драгунъ. Раздается крикъ: „нагаечку!" [1])

Тотчасъ находится запѣвало, сильный баритонъ въ красной рубашкѣ, подъ распахнутымъ пальто и тужуркой. И огромный хоръ дружно подхватываетъ:

„Нагаечка, нагаечка, нагаечка моя,
„Вспомни, ты, нагаечка, 8-е февраля!"

Казацкіе офицеры, съ тупымъ любопытствомъ глядѣвшіе на насъ, похаживая передъ цѣпью солдатъ, заворачиваются и уходятъ за цѣпь... Гремитъ уже новая пѣсня. Однако, приподнятые нервы даютъ себѣ чувствовать: за нѣсколько часовъ напряженнаго состоянія во время сходки организмъ поистратился, силы начинаютъ требовать подкрѣпленія...

Стуча ружьями, входитъ рота солдатъ при офицерахъ: это нашъ внутренній караулъ. Часть солдатъ выстраивается противъ входныхъ дверей въ двѣ шеренги, остальные ставятъ ружья въ козлы и, отойдя къ лѣвому углу, располагаются тамъ.

Еще наканунѣ въ манежѣ была птичья выставка. За ночь манежъ былъ очищенъ. Отъ выставки осталось только кое-гдѣ нѣсколько скамеекъ, солома, вѣтви ельника и куски

---

[1]) Пѣсня, сложенная послѣ избіенія студентовъ въ Петербургѣ 8-го февраля 1899 года.

досокъ. Въ манежѣ сыро, холодно, полутемно: сквозь полукруглыя окошки, идущія по верху стѣнъ, едва ползутъ сѣрыя сумерки. Вдругъ вспыхнули и замигали электрическіе фонари. Стало какъ-то еще пустыннѣе, холоднѣе, безпріютнѣе въ огромной манежной залѣ... А кормить насъ и не собираются: въ наше распоряженіе предоставленъ только громадный походный, на колесахъ, котелъ-самоваръ. Въ него пожарные кинули нѣсколько пригоршней чаю. Раздобываютъ какъ-то сахаръ, но кружекъ можетъ быть—2—3 десятка, а насъ человѣкъ 800! Хлѣбнуть чайнаго пойла удалось, конечно, не скоро, да и то далеко не всѣмъ. Но унынія и слѣда нѣтъ. Повсюду шутки и добродушныя остроты, пѣсни гремятъ одна за другой... Около стѣны, выходящей къ Александровскому скверу, уцѣлѣлъ какой-то помостъ съ загородкой, очевидно, отъ прекращенной вчера птичьей выставки. Небольшая группа незамѣтно пробирается туда. Съ улицы пробиваютъ камнемъ оконныя стекла,—за пѣсней этого не слышно нашему караулу. Начинаются переговоры. Но долго вести ихъ рискованно. Однако, мы успѣваемъ узнать, что вокругъ манежа по-прежнему толпа, что общество за насъ, что нашъ протестъ поднялъ на ноги Москву... Быть можетъ все это нѣсколько и преувеличено, но мы не могли къ радостнымъ вѣстямъ отнестись черезчуръ скептически,—онѣ придавали намъ новую бодрость!.. Появляется жандармскій офицеръ Спи-вичъ. Въ изысканно-вѣжливой формѣ мы завязываемъ разговоръ о нашихъ законныхъ правахъ на пищу:

— Насъ арестовали, а арестованныхъ, кажется, полагается кормить?.

— Совершенно вѣрно, господа, черезъ часъ вамъ будетъ доставленъ обѣдъ.

Г. Спи-вичъ раскланивается и исчезаетъ незамѣтно такъ же какъ и появился.

Но проходитъ часъ—обѣда не несутъ; проходитъ другой, третій,—объ обѣдѣ ни слуху, ни духу.

Вдругъ появляется огромная бѣльевая корзина съ колбасами, ветчиной, хлѣбомъ. Это публика, окружающая манежъ, присылаетъ намъ на собранныя между собой деньги. Присылка эта—такое реальное выраженіе общественнаго сочувствія нашему акту протеста, что у насъ уже не остается никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ. Корзина встрѣчается дружными привѣтствіями, а содержимое ея быстро разбираютъ.

Часовъ въ одиннадцать является комиссія изъ чиновъ охраннаго отдѣленія, университетской инспекціи и педелей. „Удостовѣреніе" нашихъ „личностей" совершается, т. е., при трогательномъ взаимодѣйствіи означенныхъ представителей двухъ „вѣдомствъ" съ изстари, какъ извѣстно, идущихъ рука объ руку.

Насъ приглашаютъ собственноручно указать „свѣдѣнія о личности", а также о томъ, „были ли на сходкѣ, или взяты съ улицы". По прибытіи этой опросной коммиссіи, состоялось у насъ совѣщаніе, на которомъ рѣшено было говорить чистую правду по этому вопросу, если онъ будетъ предложенъ. Дѣло тянется долго, съ присущимъ въ такихъ случаяхъ исполнительнымъ чинамъ сознаніемъ всей его государственной важности.

Въ числѣ насъ — болѣе 100 женщинъ: сестры, жены накомыя, родственницы, большинство—слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ, гдѣ „диктаторствовалъ тогда пр. В. И. Герье. Комиссія рѣшила по какимъ-то таинственнымъ соображеніямъ „отослать курсистокъ по домамъ, подъ конвоемъ двухъ городовыхъ на каждую". Это вызываетъ нашъ единодушный протестъ: путешествіе дѣвушекъ и женщинъ „подъ конвоемъ двухъ городовыхъ" ни курсисткамъ, ни намъ не улыбается. Начинаются переговоры. Мы просимъ вызвать по телефону Трепова и передать ему, что мы ни въ какомъ случаѣ не допустимъ исполненія этого нелѣпаго и оскорбительнаго распоряженія. Но вмѣсто генерала Трепова черезъ

часъ, полтора, среди чиновниковъ охраннаго отдѣленія появляется профессоръ Герье. Какимъ жалкимъ выглядывалъ онъ въ своей огромной енотовой шубѣ: отъ всей фигуры его вѣетъ такой приниженностью и растерянностью... Послѣ долгихъ переговоровъ съ жандармеріей и съ г. Треповымъ по телефону дѣло рѣшается, наконецъ, въ нашу пользу: конвой изъ городовыхъ отмѣненъ для курсистокъ, желающихъ возвратиться. Не пожелало удалиться только человѣкъ 8—9. Мы предоставляемъ въ ихъ распоряженіе нѣсколько оставшихся отъ выставки деревянныхъ скамеекъ и голыхъ досокъ, на которыхъ наши женщины и располагаются полусидя, полулежа, чтобы подремать нѣсколько часовъ. Улегшись прямо на утрамбованномъ полу манежа, мы тоже пытаемся заснуть. Электрическіе фонари горятъ до самаго утра, и ихъ мертвый яркій свѣтъ раздражаетъ уставшіе глаза и разбитые нервы. Дремать приходится на холодной землѣ; голодъ даетъ себя чувствовать все сильнѣй. Ночь тянется долго. Подъ самое утро удалось кое-какъ заснуть часа 2—3.

Съ утра появляются мальчики изъ булочныхъ съ корзинами калачей: это публика и знакомые посылаютъ намъ хлѣбъ. Мы пользуемся случаемъ: мальчиковъ пропускаютъ безпрепятственно къ намъ въ манежъ и обратно, и мы добываемъ черезъ нихъ бумагу, конверты, марки; торопимся набросать хоть нѣсколько словъ близкимъ, роднымъ и друзьямъ, и незамѣтно отправить черезъ мальчиковъ. Корзины окружаются тѣснымъ кольцомъ, и намъ удается довольно свободно выполнить наше желаніе — подать о себѣ вѣсточку. Бойкихъ, смышленыхъ мальчугановъ, какъ кажется, забавляетъ ихъ роль импровизированныхъ почтальоновъ: они охотно берутся исполнить наши порученія—бросить въ ближайшій почтовый ящикъ пачку писемъ и „открытокъ".

Горячій чай и свѣжіе московскіе калачи быстро по-

могаютъ намъ забыть о холодной и голодной ночи. Шумные разговоры и пѣсни снова звучатъ и подбодряютъ насъ. Но рядъ причинъ, о которыхъ упомяну ниже, заставляетъ насъ обсудить вопросъ объ обѣдѣ. Какъ разъ въ это время опять является жандармскій офицеръ Спи—вичъ. Мы напоминаемъ ему въ болѣе рѣшительной формѣ, что, несмотря на его увѣренія, обѣда намъ не присылали, а арестованы мы около 20 часовъ.

— Господа, смѣю увѣрить васъ, что всѣ распоряженія сдѣланы. Въ 4 часа обѣдъ вамъ будетъ доставленъ. Произошло, вѣроятно, какое-нибудь недоразумѣніе. Я сейчасъ справлюсь...

Съ этими словами жандармскій офицеръ исчезаетъ Мы рѣшаемъ ждать терпѣливо до 4-хъ. Если обѣда не будетъ — вызвать полиціймейстера и заявить ему, что насъ морятъ голодомъ.

Такъ проходитъ еще часа три. Наступаетъ обѣщанный срокъ — обѣда нѣтъ. Мы ждемъ еще полчаса... Никакихъ извѣстій. Тогда одинъ изъ насъ заявляетъ отъ нашего имени караульному офицеру просьбу пригласить къ намъ г. полиціймейстера. Послѣ усиленныхъ просьбъ офицеръ соглашается, и скоро изъ-за двойной шеренги караула, стоящаго съ ружьями „къ ногѣ", къ намъ выходитъ полиціймейстеръ. Одинъ изъ товарищей объясняетъ дѣло: „мы арестованы съ четырехъ съ половиной часовъ вчерашняго дня; по заявленію жандармскаго офицера Спи—вича насъ должны были вчера же накормить; пищи не было доставлено намъ ни вчера, ни въ теченіе всей ночи, ни, наконецъ, сегодня; тотъ же жандармскій офицеръ заявилъ намъ сегодня, что обѣдъ намъ доставятъ въ 4 часа дня, что всѣ распоряженія сдѣланы. Между тѣмъ ни пищи, ни извѣстій о ней никакихъ нѣтъ. Мы просимъ вызвать къ намъ г. прокурора Судебной Палаты для заявленія претензіи на нарушеніе закономъ установленныхъ правилъ объ арестованныхъ;

кромѣ того, среди насъ есть женщины, много ослабѣвшихъ и не совсѣмъ здоровыхъ товарищей".

— Обѣдъ намъ, или прокурора!.. раздаются настойчивые возгласы въ нашей толпѣ.

Полиціймейстеръ Св — ковъ, глотая слова, толкуетъ что-то о задержкѣ, причинъ которой онъ не знаетъ... а безпокоить г. прокурора Судебной Палаты онъ, полиціймейстеръ, не имѣетъ права... Пятясь задомъ, полиціймейстеръ скрывается за шеренги солдатъ. Наша возбужденность растетъ съ минуту на минуту.

Послѣ короткаго совѣщанія, на которомъ болѣе сдержанные, владѣющіе собой, пытаются успокоить возбужденную иннервированную толпу,—рѣшаемъ снова вызвать полиціймейстера, чтобы категорически потребовать отъ него пригласить прокурора Палаты. Повторяется та же сцена, только съ тѣмъ варіантомъ, что на этотъ разъ полиціймейстеръ уже не выходитъ къ намъ за шеренги, а торопливо бросаетъ намъ нѣсколько фразъ изъ-за спинъ солдатъ: онъ ничего не можетъ сдѣлать для насъ, это въ его полномочія не входитъ. Прокурора вызвать сюда нельзя.

— Прокурора!.. Мы требуемъ прокурора!.. Озлобленно кричимъ мы и невольно напираемъ на цѣпь солдатъ. Полиціймейстеръ, крикнувъ что-то офицеру, исчезаетъ.

Происходитъ тяжелая сцена. Въ воздухѣ стономъ стоятъ наши крики. Солдаты, по командѣ, начинаютъ тѣснить насъ прикладами. За минуту еще добродушныя лица солдатъ сразу искажаются безсмысленной злобой, глаза наливаются кровью... Одинъ, другой взмахиваютъ штыками. Наши задніе ряды, не понимая, что случилось, продолжаютъ напирать на переднихъ...

— Товарищи, спасайтесь!.. Спасайтесь!..

Вопли и истерическіе крики прорѣзываютъ общій гулъ и лишаютъ всѣхъ послѣдняго самообладанія. Вдругъ все покрывается рѣзкимъ звукомъ сигнальной

трубы. Не понимая значенія сигнала, мы шарахаемся, давя другъ друга, принимая сигналъ за приказъ другой цѣпи солдатъ, перегораживавшей манежъ пополамъ, броситься на насъ съ тыла.. Но это ошибка. Насъ только оттѣснили отъ выходныхъ дверей, чтобы дать время скрыться полиціймейстеру. На моихъ глазахъ, на солдата, ударившаго штыкомъ студента (къ счастью — въ шинель, надѣтую въ накидку) набрасывается съ поднятыми кулаками офицеръ... Это удерживаетъ другихъ отъ самовольной расправы штыками. Горнистъ, какъ мы разобрали потомъ, игралъ „отбой"...

Отъ всей этой свалки, вызванной необыкновенной „тактичностью" полиціймейстера, у насъ, въ результатѣ, нѣсколько человѣкъ въ глубокомъ обморокѣ отъ истощенія и нервныхъ потрясеній послѣднихъ дней. Мы съ трудомъ приводимъ ихъ съ чувство: въ нашемъ распоряженіи никакихъ медикаментовъ, кромѣ липкой коричневатой жидкости, которой намъ удалось нацѣдить изъ остывшаго котла-самовара...

V.

Черезъ полчаса, не больше, пріѣхалъ прокуроръ Палаты съ однимъ изъ своихъ товарищей и, подходя къ намъ, какъ разъ наткнулся на студента, еще не вполнѣ очнувшагося отъ обморока. Одинъ изъ насъ изложилъ нашу жалобу.

— Насъ арестовали, но мы даже не знаемъ, по чьему распоряженію насъ здѣсь держатъ послѣ выясненія нашихъ личностей опросной комиссіей.

— Насъ держатъ болѣе сутокъ безъ всякой пищи. Власти отговариваются отсутствіемъ полномочій. Вслѣдствіе нераспорядительности и безтактности полиціймейстера насъ чуть не избили прикладами. У насъ больные и ослабѣвшіе, а медицинской помощи мы не можемъ

нмъ подать за полнымъ отсутствіемъ медикаментовъ... Мы просимъ г. прокурора Московской Судебной Палаты о разслѣдованіи, немедленномъ распоряженіи о подачѣ медицинской помощи и выдачѣ намъ какой-нибудь пищи...

Прокуроръ обѣщаетъ намъ свое содѣйствіе и поручаетъ своему товарищу немедленно, отъ его имени, распорядиться о доставкѣ намъ обѣда.

— Господа, я вхожу вполнѣ въ ваше положеніе. Но теперь 6-й часъ, и едва-ли обѣдъ на такое количество лицъ можетъ поспѣть раньше, какъ черезъ нѣсколько часовъ. Вашихъ больныхъ сейчасъ возьмутъ кареты скорой медицинской помощи... Ваши заявленія будутъ приняты прокурорскимъ надзоромъ во вниманіе, будьте покойны. [1]) До свиданія!

Прокуроръ уѣзжаетъ. Намъ ничего не остается, какъ ждать, когда возьметъ „скорая" медицинская помощь нашихъ ослабѣвшихъ товарищей, и когда, наконецъ, намъ доставятъ хоть чего нибудь, похожаго на ѣду.

Пусть не покажутся странными читателю наши усиленныя хлопоты объ обѣдѣ. Пробыть безъ пищи, имѣя чай и хлѣбъ, можно было бы, разумѣется, 2—3 сутокъ. Но дѣло въ томъ, что находясь въ манежѣ въ центрѣ города, мы привлекали невольное вниманіе населенія. Въ интересахъ нашего дѣла намъ, конечно, важно было, чтобы нашъ протестъ, вынесенный на сходкѣ, былъ поддержанъ возможно широкимъ кругомъ общества. А этой поддержкѣ было удобнѣе находить себѣ активное выраженіе, пока мы находились въ манежѣ, который являлся естественнымъ объектомъ общественнаго вниманія: мы знали, что вокругъ манежа весь день толпится публика, одна группа которой смѣ-

[1]) Лишнее, конечно, добавлять, что эта была только оффиціальная фраза: наши заявленія,—какъ и позже, въ тюрьмѣ, — не имѣли никакихъ послѣдствій.—

няла другую. Отсюда понятно, что намъ хотѣлось удержаться подольше въ манежѣ, а для этого нужно было поддерживать силы, нужна была хоть какая-нибудь пища. Потомъ уже, послѣ выхода изъ тюрьмы, мы узнали, что публика посылала намъ разные припасы, а наши родные и знакомые—передавали намъ черезъ полицію подушки и одѣяла... Но далеко не все это намъ было доставлено, и о судьбѣ большинства этихъ посылокъ мы такъ никогда и не узнали... До насъ доходили только корзины съ калачами; все остальное безслѣдно гдѣ-то застревало, мы даже и не подозрѣвали о другихъ посылкахъ намъ!..

Пріѣхавшіе за нашими ослабѣвшими товарищами кареты скорой медицинской помощи, какъ мы потомъ узнали, произвели большой эффектъ въ толпѣ, окружавшей манежъ: когда стали выводить подъ руки нашихъ больныхъ, въ толпѣ раздались крики: „студентовъ въ манежѣ избили! раненыхъ выносятъ!..“ На почвѣ этой, возбудившей толпу, невѣрной версіи, произошло у публики столкновеніе съ конными жандармами. До насъ, черезъ разбитые публикой камнями стекла, долетѣлъ только глухой гулъ и отдѣльные крики. Но въ чемъ дѣло — намъ нельзя было увидѣть, такъ какъ больныхъ нашихъ выносили въ кареты черезъ двери той половины манежа, которая, какъ я сказалъ, была занята драгунами и казаками при лошадяхъ.

Снова наступилъ вечеръ, снова горитъ электричество... Пытаются пѣснями подбодрить настроеніе уставшихъ и ослабѣвшихъ. Но все яснѣе становится, что нервная затрата энергіи и отсутствіе пищи подавляютъ съ каждымъ часомъ наши силы и бодрость. Собираютъ совѣщаніе—какъ быть. Рѣшаемъ, что въ виду общаго упадка силъ у слишкомъ многихъ изъ насъ—трудно разсчитывать продержаться еще день въ манежѣ. Къ тому же, намъ заявили черезъ полицію, что насъ силой переправятъ

въ „Бутырки“ [1]) не позднѣе этой ночи. Противиться этому переводу мы не имѣемъ права, имѣя столько ослабѣвшихъ: инцидентъ съ карауломъ отозвался слишкомъ тяжело на нашихъ уже истощенныхъ силахъ. Послѣ оживленныхъ споровъ рѣшаемъ не сопротивляться, если насъ въ самомъ дѣлѣ начнутъ переправлять въ тюрьму Конечно, было бы желательнѣе, чтобы этотъ переходъ изъ манежа въ тюрьму совершился днемъ. Но власти, разумѣется, не упускали изъ виду такого огромнаго „неудобства“, какъ переселеніе 700 слишкомъ человѣкъ, черезъ всю Москву, посреди бѣла дня, изъ манежа въ Бутырки, и, конечно, никогда не допустили бы такого „соблазнительнаго“ зрѣлища... Заявлять же такое требованіе, какъ непремѣнный переводъ насъ днемъ, не имѣя никакихъ шансовъ поддержать его при настоящихъ условіяхъ—по меньшей мѣрѣ только дискредитировать наше дѣло. Однако, болѣе стойкое и энергичное меньшинство заявляетъ, что оно намѣрено оставаться въ манежѣ до самой послѣдней возможности, какихъ бы это усилій ни стоило.

Пока идутъ споры, перешедшіе уже въ небольшія группы, на другой сторонѣ манежа мы замѣчаемъ какія-то приготовленія: начинаютъ сѣдлать лошадей, офицеры, расхаживая, отдаютъ приказанія... Я прилегъ заснуть, и сквозь тяжелую дремоту слышу какіе-то возгласы, смѣхъ, усиленное движеніе. Съ трудомъ раскрывъ глаза, вижу товарищей съ глиняными мисками, деревянными ложками и кусками полотна въ рукахъ: намъ принесли обѣдъ и „сервизъ“... Поднимаюсь, смотрю на часы—2-й часъ ночи. Подхожу къ котлу, горячій паръ отъ кислыхъ щей щекочетъ горло, голова начинаетъ кружиться. Безъ всякаго желанія, насильно заставляю себя проглотить нѣсколько ложекъ чего-то мут-

---

[1]) Центральная пересыльная тюрьма у Бутырской заставы.

наго, что зачерпнулъ въ глиняную миску. Зачѣмъ-то захватилъ и „полотенце," т.-е. кусокъ полотна, а деревянную ложку кладу въ карманъ пальто, и тоже совершенно безотчетно. Послѣ ѣды слабость еще увеличилась, но общее оживленіе захватываетъ и меня.

— Товарищи, черезъ полчаса отправятъ первую партію въ тюрьму...

— Поведутъ партіями, человѣкъ по 150...

— Собирайтесь, товарищи, сходитесь вмѣстѣ, чтобы не разбиваться знакомымъ!

Нашъ лагерь приходитъ въ движеніе: одни розыскиваютъ другихъ, составляя группы знакомыхъ и земляковъ, на всякій случай, чтобы не быть разъединенными въ тюремныхъ камерахъ. Появляются жандармскіе офицеры, знакомый намъ г. Спи—вичъ; объявляютъ, что мы будемъ отправлены въ Бутырскую тюрьму тремя партіями.

Первыми собираютъ воспитанниковъ Константиновскаго Межевого Института, которыхъ было среди насъ человѣкъ 40: ихъ отправятъ въ Институтъ, по соглашенію съ ихъ начальствомъ. Затѣмъ—собираютъ изъ всѣхъ насъ большую партію—человѣкъ 200 слишкомъ.

Ихъ уводятъ за цѣпи солдатъ, въ половину манежа, занятую драгунами и казаками, пересчитываютъ, сдаютъ начальнику караула, который будетъ сопровождать ихъ въ тюрьму. Затѣмъ уводятъ. Мы провожаемъ ихъ нашими пожеланіями. Черезъ часъ отправляютъ такимъ же порядкомъ 2-ю партію...

Доходитъ очередь и до насъ—послѣдней партіи, въ которой и мнѣ итти. Насъ пересчитываютъ, окружаютъ полицейскими, драгунами и казаками и выводятъ на улицу. Тамъ окружаютъ насъ опять, какъ и въ первый разъ, когда вели въ манежъ, четверной цѣпью - полицейскіе, солдаты-пѣхотинцы, драгуны и казаки съ высокоподнятыми факелами. Сзади насъ ѣдутъ двѣ фуры: ихъ

могутъ занимать женщины и усталые. Но женщины предпочитаютъ весь путь итти пѣшкомъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ, совсѣмъ ослабѣвшихъ... Шествіе трогается.

Насъ ведутъ самымъ кружнымъ путемъ, по самымъ глухимъ переулкамъ. Но несмотря на это, несмотря на самый мертвый часъ ночи—4-й часъ утра,—на нѣсколькихъ перекресткахъ насъ вдругъ встрѣчаютъ группы съ криками:

— Ура, товарищи... Мы съ вами!..

Они заговариваютъ съ нами, хотятъ присоединиться къ намъ, но наша стража грубо и рѣшительно даетъ окрики:

— Не смѣть разговаривать!

— Не смѣть подходить!

Намъ все таки удается переброситься нѣсколькими фразами,—нѣкоторые изъ насъ узнаютъ голоса и торопливо передаютъ свои просьбы и порученія.

Проходя мимо студенческаго общежитія[1]), кто-то громко предлагаетъ:

— Товарищи, марсельезу! Пусть скромные мальчики послушаютъ!..

— Спятъ, небось, мерзавцы, сладкимъ сномъ невинности!..

— Товарищи, марсельезу!..

И въ темной кривой улицѣ зазвучала смѣлая, свободолюбивая пѣсня...

Веселѣе зашагали мы подъ бойкіе, бодрящіе звуки... Наша стража заволновалась... А мы, не обращая вниманія, поемъ другую, третью пѣсню... пока хватаетъ желанія...

---

1) Съ этимъ общежитіемъ въ московскомъ студенчествѣ связывалось представленіе о похвальной «благонадежности» его обитателей.

VI.

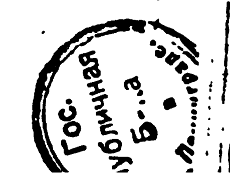
Съ лязгомъ захлопывается за послѣднимъ изъ насъ высокая рѣшетчатая дверь тюремнаго корридора. Наконецъ то мы, послѣ сырого, безпріютнаго сарая-манежа, послѣ ночного перехода, послѣ всѣхъ формальностей, продѣланныхъ тюремнымъ начальствомъ при пріемѣ насъ,—наконецъ то мы въ тепломъ и сухомъ помѣщеніи! Съ наслажденіемъ бросаюсь я усталый, продрогшій, на мѣшокъ съ соломой, занявъ откидную лавку въ длинномъ корридорѣ: пришедшіе раньше, заняли камеры и вмѣстѣ со мной многіе изъ нашей послѣдней партіи располагаются въ корридорѣ. Кажется, никогда не спалъ я такимъ крѣпкимъ, освѣжающимъ сномъ, какъ въ ту первую ночь въ „Бутыркахъ!"...

Просыпаюсь отъ шума, разговоровъ, пѣсенъ... И сейчасъ же мой слухъ пытается угадать, откуда несется какой-то ровный, неумолчный, металлическій перезвонъ? Поворачиваю голову во всѣхъ направленіяхъ—и отовсюду несется все тотъ же безпрерывный, звенящій гулъ, какое-то неутомимое лязганье...

— Что слушаете, товарищъ? Странно вамъ? Это каторжане звенятъ... кандалами. Я здѣсь ужъ сидѣлъ, наслушался. Музыка веселая, отъ 6 утра до 9 вечера играетъ каждый день!.. Это, вѣдь, центральная пересыльная тюрьма: черезъ нее и проходятъ на каторгу. Тутъ со всей Россіи собираются; составятъ здѣсь партіи и отправляютъ. А-ахъ, умыться надо пойти!.. и товарищъ, зѣвнувъ, поднялся со своего ложа.

Въ корридорѣ было оживленно. Камеры наши не запирались ни днемъ, ни ночью, и корридоръ былъ постоянно полонъ движенія. Пошелъ и я отыскивать знакомыхъ и земляковъ послѣ умыванья. Какъ разъ въ камерѣ № 1 натыкаюсь на цѣлую компанію. У нихъ уже стоялъ на нарахъ большой жестяной чайникъ, былъ хлѣбъ, колбаса и сахаръ изъ лавочки, въ бумажномъ мѣшечкѣ.

3

— А мы тутъ уже за хозяйство принялись. Ну, знаете, и клоповъ здѣсь, чортъ ихъ возьми... заѣли! А вы гдѣ спали? Присаживайтесь, товарищъ. Робинзонъ, иди же сюда!—крикнулъ говорившій кому-то черезъ нары.

Человѣкъ, котораго звали „Робинзонъ", подошелъ къ намъ, красивый, въ русыхъ кудряхъ и высокой остроконечной шапкѣ мѣхомъ наружу, веселый, общительный и обаятельно-простой, какъ сейчасъ же сказалось. Прозвище ему дали удивительно-удачно, словно съ него рисовали иллюстраціи къ безсмертному роману Де-Фоэ.

— Такъ вы гдѣ же устроились?

— Я въ корридорѣ.

— Э, батенька вы мой, вы по-аристократически,—смѣясь произнесъ черноволосый, бородатый Р.,—тамъ покойнѣе. Ну, а мы, по старой памяти, здѣсь, въ камерѣ обосновались. Въ компаніи оно веселѣе!

— А вы раньше, значитъ, сидѣли? По какому году?

— Мы почти всѣ вотъ, кромѣ Робинзона, въ 99 году. Ничего, весело было. Въ „Бутыркахъ" житье—малина!..

— Только вотъ „клопъ со всей Россіи"!—добавилъ товарищъ Н—нъ.

— Знаете, если на ночь стаканъ оставить не перевернутымъ, къ утру на 2 пальца наберется!..

— Ну, это что! Вѣдь мы тутъ на привилегированномъ положеніи! Главное,—тамъ, у каторжанъ! А у насъ и матрасики (товарищъ похлопалъ рукою по мѣшку, изъ котораго торчала и лѣзла солома) и кровати кое-какія есть, и выметено, и въ корридорахъ можно располагаться. А посмотрите-ка, тамъ что, у каторжанъ! Вотъ посидите здѣсь, узнаете всѣ бутырскія прелести...

— А главное, тамъ на ночь то камеры запираютъ и „парашки" ставятся.

— Да, мы тутъ, собственно, барами жить будемъ. А все таки, гнусная штука—тюрьма! Что-то въ городѣ творится?

— Когда узнаемъ еще?

— Подожди, свиданія, посылки будутъ — и новости получимъ!..

— Да,—вотъ, въ 99-мъ народъ теплый собрался. Какъ то въ этотъ разъ... Впрочемъ, ничего, публика, кажется, не плохая! Проживемъ!..

Время идетъ за разговорами незамѣтно.

Напившись чаю и поблагодаривъ компанію, иду въ корридоръ. Тамъ большая группа около окна, смѣхъ, шутки... Высокій студентъ, стоя на подоконникѣ, что-то дѣлаетъ у рѣшетки: это, оказывается, устраиваютъ „телефонъ" съ сосѣднимъ корпусомъ, гдѣ, какъ уже успѣли разузнать черезъ одного изъ „уголовныхъ", сидятъ женщины, арестованныя по нашему „дѣлу". Отъ насъ надо провести веревку къ ихъ окну: по этой веревкѣ можно будетъ протаскивать записки. Корпусъ, гдѣ сидятъ женщины, подъ прямымъ угломъ къ нашему; черезъ наше окно можно едва разобрать наискось виднѣющіяся за рѣшеткой второго этажа женскія лица. Вѣдь тамъ - у кого сестра, у кого жена, у кого просто хорошая знакомая или родственница. Пока возятся у окна съ „телефономъ", раздаются крики:

— Товарищи, къ начальнику тюрьмы! Онъ списки принесъ...

Помощникъ начальника тюрьмы, окруженный густымъ кольцомъ студентовъ, что-то доказываетъ вѣжливымъ тономъ, съ легкимъ польскимъ акцентомъ.

— Вы предлагаете намъ расписываться,—объясняетъ одинъ изъ насъ,—и принесли списки. Но эти списки разбиваютъ насъ на 2 категоріи: взятыхъ со сходки и взятыхъ съ улицы. Позвольте намъ эти списки, мы провѣримъ!..

Послѣ переговоровъ рѣшаютъ прочесть списки по камерамъ. Оказывается, что свѣдѣнія ихъ совершенно не соотвѣтствуютъ тѣмъ нашимъ показаніямъ, которыя мы

дали въ манежѣ „опросной комиссіи". Читаемъ въ одной камерѣ, въ другой—вездѣ одно и то же. Кромѣ того, нѣтъ установленнаго постановленія о нашемъ арестѣ. Рѣшаемъ списки вернуть и просить вытребовать къ намъ товарища прокурора для выясненія недоразумѣній и заявленія жалобы. Помощникъ начальника тюрьмы говоритъ, что онъ „доложитъ", и уходитъ.

Оглядѣвшись, мы приступаемъ къ „улучшенію нашего внутренняго быта", какъ торжественно провозглашаетъ кто-то изъ товарищей. На наше содержаніе отпущено по 10 копеекъ въ день на человѣка. Надо добавить своихъ и организовать общественное хозяйство. По установившейся традиціи, выбираемъ на каждую камеру „артельныхъ старостъ", которые и берутъ на себя всѣ хозяйственныя хлопоты о нашемъ „приваркѣ".

Въ оловянныхъ шайкахъ „уголовные" приносятъ намъ казенный обѣдъ. Въ жидкомъ варевѣ плаваютъ обрѣзки сала и мяса. На второе—каша...

Наша компанія, съ комической важностью, словно на дипломатическомъ обѣдѣ, обращается другъ съ другомъ. И вдругъ прорѣзывается такое „словечко", которое сразу напоминаетъ намъ далекіе отъ дипломатическихъ тонкостей нравы... Послѣ обѣда—снова бесѣды, шутки; кое-гдѣ вспыхиваютъ и разгораются страстные „принципіальные" споры на политико-экономическія темы... Въ другихъ группахъ—воспоминанія о разныхъ инцидентахъ предыдущаго „бутырскаго плѣненія"...

У входа въ нашу камеру кто-то приклеиваетъ мякишемъ чернаго хлѣба объявленіе на листѣ бумаги: наверху огромными буквами:

„Сегодня!!! Сегодня!!!

ВЪ КАМЕРѢ № 6.

Приглашаютъ явиться за своими вещами, утерявшихъ оныя! Пара правыхъ калошъ, старая пѣго-зеленая фу-

ражка, половинка отъ ветхаго кожанаго портсигара и т. п. *Цѣнныя* и *рѣдкія* вещи, на которыя не предъявятъ правъ ихъ законные владѣльцы, *будутъ продаваться съ аукціона!*

Просятъ являться къ 7 часамъ вечера.

Примѣчаніе: цѣны назначены самыя умѣренныя!

Ниже-цѣлый рядъ объявленій, въ родѣ такого:

„Сбѣжалъ старый медикъ IV курса. Особыя примѣты: куцый, рыжей масти, кличка: „Маркизъ". Нашедшаго просятъ доставить въ камеру № 4. *Дома отъ 4 до 6 дня. Хорошее вознагражденіе!!!*"...

Проходящіе мимо останавливаются, начинаютъ читать и, расхохотавшись, добавляютъ свои комментаріи...

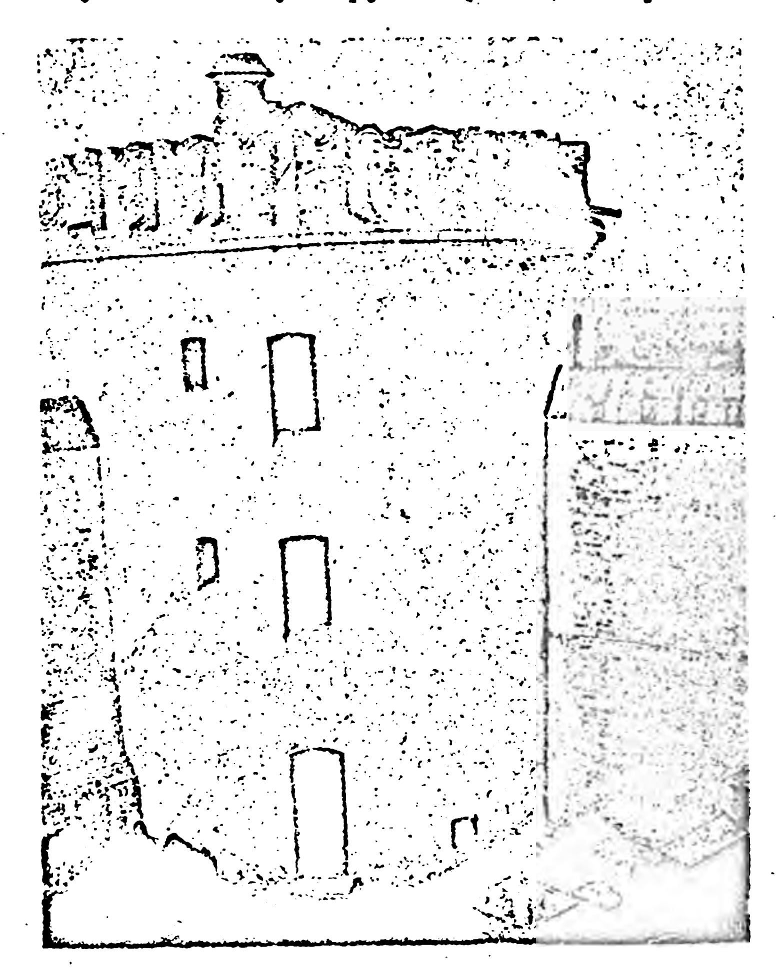
Въ нашей образуется хоръ. Дѣло принимаетъ серіозный оборотъ: подбирается „капелла для публичныхъ концертовъ". Репертуаръ—комическія и національныя пѣсни. Какъ-то самъ собой отыскивается хормейстеръ, онъ же и запѣвало. Понемногу налаживаются, получается что-то дружеское, милое и остроумное. Шутки и остроты сыплются то и дѣло. Такъ, незамѣтно, проходитъ первый тюремный день. Читать нечего—книгъ съ собой ни у кого нѣтъ: онѣ отобраны тюремной администраціей „для просмотра".

— Эхъ, чортъ возьми, говоритъ, выпуская клубъ дыма, и закинувъ одну руку за голову, товарищъ-естественникъ,—пропали мои труды: довелъ количественный анализъ до половины, теперь когда-то закончишь? Зря старался...

— Эка, вспомнилъ!.. А ты вотъ займись на досугѣ качественнымъ анализомъ бутырскихъ щей!—отвѣчаетъ неизмѣнный балагуръ Иванъ Ѳедоровичъ, перемѣнившій 3 факультета, сидѣвшій много разъ и „соло", и въ „ансамблѣ", какъ онъ выражается, и въ 34 года не теряющій надежды „окончить полный курсъ наукъ".

— Это что! У меня препаратъ по ангіологіи къ зачету приготовленъ былъ, рѣшилъ въ пятницу сдать—не пой-

малъ Николая Владимировича *); обѣщалъ къ 10-ти, ну а тутъ и пошла катавасія. Онъ—то пришелъ, началъ зачеты принимать, а наши ребята „Дубину“ затянули. Слушалъ, слушалъ, махнулъ рукой: „нѣтъ, говоритъ, не по-

Видъ изъ общей камеры на полицейскую башню.

нимаю ничего, больно ловко поютъ, развлекли меня“... Такъ и не удалось своей очереди дождаться. Досадно,—

*) Покойный прозекторъ анатомическаго театра, Н. В. Алтуховъ, „гроза“ и вмѣстѣ другъ студентовъ-медиковъ первыхъ курсовъ.

здорово препаратъ удался... Теперь валяется трупъ на столѣ!

— Ничего,—утѣшаетъ Иванъ Ѳедоровичъ,—всѣ тамъ будемъ!..

Хохотъ... Сконфуженный медикъ тоже смѣется...

— Нѣтъ, мнѣ интересно, почему *они* не забрали К—на до сходки, дали ему рѣчи говорить, а потомъ въ одиночку посадили? Былъ въ манежѣ съ нами, ну и оставаться бы ему и здѣсь со всѣми вмѣстѣ.

— Давно на него прицѣливались, да все цѣлъ уходилъ. Вотъ теперь на радостяхъ они его и забрякали. Напрасно онъ на сходку приходилъ, и дѣла то ему тамъ немного оказалось.

Веселость слетаетъ... Да, всѣ мы вмѣстѣ, шутимъ, смѣемся, намъ легко въ огромной компаніи отталкивать отъ себя сознаніе нашей отрѣзанности отъ свободы. А тамъ, въ одной изъ угловыхъ башенъ, сидитъ, или ходитъ изъ угла въ уголъ одинъ изъ способнѣйшихъ и преданнѣйшихъ дѣлу свободы людей. Въ такихъ же одиночкахъ еще около 30 человѣкъ тѣхъ, которые еще вчера поддерживали въ насъ нравственную бодрость и силы своей непоколебимой вѣрой и энергіей. А въ другихъ башняхъ, по угламъ тюремной стѣны, томятся еще другіе, ожидая отправки въ ужасный, убійственный край, гдѣ ихъ оставятъ наединѣ съ мертвой, угрюмой пустыней, отрѣзавъ отъ всего, что такъ дорого ихъ благородному гражданскому сердцу, чему отдавали они всѣ силы таланта, молодости и убѣжденія...

Насъ охватываетъ глубокая грусть. Изъ корридора доносится монотонное церковное пѣніе: это каторжане поютъ молитву послѣ переклички. И только замолкли послѣдніе аккорды—ихъ смѣняетъ другой хоръ:

„Эй, дубинушка, ухнемъ!"

Въ нашей камерѣ стихаютъ разговоры, многіе начинаютъ подпѣвать, и скоро мощный хоръ наполняетъ со-

бою весь нашъ этажъ. Я выхожу въ корридоръ. У рѣшетчатыхъ высокихъ дверей, прислонившись стоитъ караульный. А черезъ площадку, другая такая же дверь, къ прутьямъ которой приникли суровыя лица людей въ сѣро-желтыхъ халатахъ, съ цѣпями и браслетами „желѣзокъ“ на ногахъ, и жадно слушаютъ наше пѣніе; въ немъ для нихъ звучитъ что-то новое, непонятное, но властно притягивающее къ себѣ. Нашъ хоръ подходитъ къ рѣшеткѣ, на ходу допѣвая пѣсню. Замолкли звуки. И оттуда, изъ-за двухъ рѣшетчатыхъ дверей, послѣ паузы и тяжелаго общаго вздоха, доносится робкая просьба:

— Еще разокъ, эту самую!..

Мы не успѣваемъ допѣть и первой строфы, какъ на той половинѣ раздается чей-то грубый и гнѣвный окрикъ:

— По камерамъ, вы!.. Кто позволилъ?!..

И долго доносятся до насъ злобные выкрики отборной начальнической ругани...

VII.

— Николаевъ!.. Посылка!.. Посылка Николаеву... юристу III курса! Петрову посылка!..

Въ общемъ шумѣ и толкотнѣ трудно разобрать, кого вызываютъ... Но радостная вѣсточка несется изъ камеры въ камеру, всѣ бросаютъ разговоры, чай, высыпаютъ въ корридоръ, и пробиться къ дверямъ нѣтъ возможности...

— Тише, тише! Товарищи, тише!..—взываетъ чей-то мощный басъ, покрывая общій гулъ голосовъ...

— Тише, я прочитаю списокъ...

— На окно, съ окна читайте... Тише...

— Господа, да помолчите же минуту!..

Понемногу удается подавить общее нетерпѣніе, наступаетъ относительная тишина, и списокъ получившихъ посылку читается во всеуслышаніе.

Но около каждаго, чью фамилію произносятъ, сейчасъ

же вспыхиваетъ разговоръ, шутки, догадки и всевозможныя предположенія—„что“ прислано и „отъ кого“...

Кое-какъ, послѣ многочисленныхъ справокъ и переспрашиваній, адресаты посылокъ окончательно выяснились, и веселые, оживленно толкуя, столпились у входной корридорной двери. Камерные „старосты“ отправляются за получкой. Остальные, разочарованные неудачей, пускаются въ безконечные разговоры на тему — почему имъ ничего не прислали.

Между тѣмъ появляются наши старосты и передаютъ посылки; ихъ тутъ же торопливо развертываютъ. Подушки, одѣяла, бѣлье — все обыскивается самымъ тщательнымъ образомъ, въ надеждѣ найти хоть какой-нибудь намекъ на записку, вырѣзку изъ газетъ, словомъ - вѣсточку изъ того, отрѣзаннаго отъ насъ міра, гдѣ новости не проходятъ черезъ руки „охранки“. Перерывши вещи, переходятъ къ присланнымъ „гостинцамъ“ — фруктамъ, сыру, колбасѣ и т. п. Поиски идутъ долго, настойчиво. Вдругъ, съ противоположнаго конца камеры несется торжествующій возгласъ:

— Товарищи, записка! Всѣ новости!..

Мигомъ бросается вся камера на этотъ радостный крикъ. Въ одну секунду вокругъ нашедшаго записку выростаетъ плотная стѣна жадныхъ слушателей.

— Вотъ... въ кускѣ масла нашли... въ трубочку изъ пергаментной бумаги вложено... начали рѣзать масло и наткнулись. А кусокъ пополамъ перерѣзанъ, въ „охранкѣ“ побывалъ... поспѣшно объясняетъ товарищъ собравшимся.

— Читайте, читайте! Господа, тише... Записка съ воли!. Тише!..

Товарищъ начинаетъ читать, но отъ волненія плохо разбираетъ текстъ, повторяетъ слова... Наше нетерпѣніе вскипаетъ.

— Не слышно, передайте другому!..

— Позвольте, товарищъ, я прочитаю...

Записка переходитъ къ другому, къ третьему, пока не находится чтеца, удовлетворяющаго нашу тѣснящуюся, возбужденную, жадно приникшую другъ къ другу группу.

„Товарищи, нашъ протестъ услышанъ, и Москва его поддержала. Пока вы сидѣли въ манежѣ, публика, не покидая площади, толпилась. Ее разгоняли нѣсколько разъ, но она возвращалась. На большихъ улицахъ, даже отдаленныхъ (Мясницкая, Покровка) ходили большія толпы съ пѣніемъ, рабочіе и интеллигенція... Городъ въ сильномъ волненіи, повсюду разъѣзжаютъ конные патрули... Были столкновенія съ толпой. Университетъ бастуетъ. Изъ Петербурга, Кіева и Харькова получены извѣстія о внушительныхъ демонстраціяхъ... Мужайтесь, товарищи, побѣда на нашей сторонѣ! Сдѣлаемъ всѣ усилія, чтобы вы не оставались безъ точныхъ и регулярныхъ извѣстій. Добиваемся свиданій".

Шумно, радостно привѣтствуемъ мы первое, полученное съ „воли" извѣстіе. Въ каждой строкѣ мы слышали именно то, о чемъ строили только догадки. Общество *за* насъ. Глухой гулъ, доносившійся до насъ въ манежѣ, не обманулъ насъ: это волны общественнаго сочувствія ударялись въ толстыя каменныя стѣны!.. Теперь мы получили, наконецъ, вѣсточку, объективно подтверждающую наши тогдашнія предположенія. Тогда — мы только хотѣли вѣрить. Теперь — уже нѣтъ сомнѣнія!

Пока мы дѣлимся другъ съ другомъ впечатлѣніями, разносится извѣстіе, что и въ другихъ камерахъ сдѣланы находки въ томъ же родѣ: то въ сырѣ, то въ колбасѣ, то въ апельсинахъ найдены небольшія записки передающія намъ разныя газетныя новости и сообщенія изъ московской жизни. Записки передаются изъ камеры въ камеру, читаются вслухъ и долго служатъ неисчерпаемой темой для всевозможныхъ коментарій.

Въ слѣдующіе дни—посылокъ все больше и больше, а съ ними и вѣсти съ воли. Проходятъ иногда и газеты цѣликомъ. Увы! Мы не находимъ въ нихъ ни слова о событіяхъ въ Москвѣ, но все же получка газетъ, а чаще—въ вырѣзкахъ — большой праздникъ всякій разъ. Газетный листъ заставляетъ забывать на полчаса о тюремныхъ рѣшеткахъ, толстыхъ каменныхъ стѣнахъ и часовыхъ у дверей...

Съ посылками начинаютъ получаться и книги научнаго и беллетристическаго содержанія. Жизнь становится содержательнѣе, можно заниматься, работать.

Съ первыхъ же дней — невольно обращаетъ на себя наше вниманіе нѣкій г. К—нсъ. Онъ появился среди насъ въ первый же день нашего пребыванія въ манежѣ. Прежде всего, въ глаза кинулась его оригинальная наружность: онъ пораженъ альбинизмомъ, волосы его на головѣ клочьями обезцвѣчены, рѣсницы мѣстами бѣлесоваты, что придаетъ выраженію глазъ какую-то безпокойность, что-то неискреннее... Также мѣстами у него обезцвѣчена растительность усовъ и бороды. Онъ необыкновенно общителенъ, на рѣдкость разговорчивъ, быстро знакомится; его освѣдомленность въ ходѣ послѣднихъ событій политической и академической жизни страны очень велика: онъ такъ и сыплетъ направо и налѣво фактами, мельчайшими деталями, именами, увѣренными характеристиками, онъ словно начиненъ хроникой и хронологіей студенческихъ и общеполитическихъ протестовъ... Въ разговорахъ своихъ держится самаго рѣшительнаго, непримѣримаго духа ненависти къ русскому абсолютизму, а тактика, за которую онъ ратуетъ въ самыхъ энергичныхъ выраженіяхъ, заключаетъ въ себѣ самые активные, террористическіе пріемы. Все это, вмѣстѣ взятое, выдвигаетъ его на общемъ фонѣ. Тѣмъ болѣе, что, какъ я указалъ, огромное большинство насъ — „академисты“, а, стало быть, приверженцы возможно лойяльнаго образа

дѣйствій. К—иса можно видѣть постоянно окруженнаго кольцомъ слушателей, оживленно проповѣдывающаго самыя крайнія теоріи и краснорѣчиво увлекающаго слушателей въ область своихъ анархическихъ построеній. Необычная энергія этого проповѣдника, нѣкоторые его пріемы, отсутствіе лицъ, знавшихъ его раньше появленія въ нашей средѣ, настойчивость, съ которой онъ торопится узнать точку зрѣнія собесѣдника, съ которымъ только что заговорилъ въ первый разъ въ жизни, какая-то цѣпкость его полемическихъ пріемовъ и паѳосъ, съ которымъ онъ стремится увлечь противника и слушателей на свою сторону,—начинаютъ для насъ становиться сомнительными. Около этого человѣка носится какая-то неуловимая, но все сгущающаяся атмосфера недовѣрія, которое быстро переходитъ въ подозрѣніе—не съ агентомъ ли охраннаго отдѣленія мы имѣемъ дѣло, не провокаторъ ли ловко втирается въ нашу откровенность, ища среди насъ свою добычу?

Товарищи-рязанцы, на которыхъ ссылается, на чей-то вопросъ о гимназіи, К—исъ,—глухо и неувѣренно говорятъ намъ, что этотъ господинъ былъ въ ихъ заведеніи, но курса не кончилъ, и что съ его именемъ соединены самыя разнорѣчивыя мнѣнія и разсказы.

Многіе изъ насъ начинаютъ приглядываться внимательнѣе къ вездѣсущему и вѣчно говорящему К—ису.

Скоро наши сомнѣнія на его счетъ получаютъ новую пищу: К—иса вызываютъ въ тюремную контору, откуда онъ возвращается только на другой день. Начинаютъ громко говорить въ его отсутствіе, что это—безспорный агентъ „охранки“, который понадобился начальству по другимъ „дѣламъ и порученіямъ“. К—исъ возвращается въ новой чистой рубашкѣ и, какъ ни въ чемъ не бывало, толкуетъ о томъ, что его вызывали по другому дѣлу для допроса въ жандармское управленіе и продержали тамъ всю ночь, допросивъ только рано

утромъ. Къ К—ису становятся въ болѣе осторожныя отношенія, а на душѣ у большинства изъ насъ сомнѣнія борятся съ упреками. А что, если мы оскорбляемъ своей подозрительностью этого человѣка, съ виду такого горячаго, бывалаго и отважнаго борца за свободу?!..

VIII.

А тюремная жизнь идетъ своимъ чередомъ. Въ одинъ прекрасный день ея однообразіе нарушаетъ появленіе знакомаго уже читателю жандармскаго офицера Спи—вича. Мягко позвякивая шпорами, съ самой любезной и невинной улыбкой, онъ здоровается съ нами и говоритъ, весело потирая руки:

— Здравствуйте, господа! Я къ вамъ съ порученіемъ, которое имѣетъ для васъ значительный интересъ... Мы сейчасъ о немъ поговоримъ. Ну, какъ же вамъ живется тутъ? О, да у васъ тутъ и апельсины и конфекты!..

Г. Спи--вичъ говоритъ быстро, ни къ кому не обращаясь, самымъ „товарищескимъ" тономъ, мило улыбаясь, желая подчеркнуть, что онъ прекрасно понимаетъ нашу психологію людей, борющихся за извѣстную общественную идею, что онъ почти сочувствуетъ намъ.

Но всѣ его усилія своимъ изящно-свѣтскимъ и въ то же время дружественнымъ тономъ заполнить пропасть, отдѣляющую насъ отъ него, всѣ его усилія сгладить рѣзкое различіе между его синимъ мундиромъ и нашими студенческими тужурками,—разбиваются о нашу упорную сдержанность и замкнутость. Мы слушаемъ пеструю болтовню, стараясь уловить, куда же она, собственно, клонится, мы ждемъ, когда г. Спи—вичъ перейдетъ къ „дѣлу". А онъ, между тѣмъ, все пытается завязать съ нами дружески-довѣрчивыя отношенія, даже немножко „либеральничаетъ", даже упоминаетъ что-то о нѣкоторыхъ „тяжелыхъ компромиссахъ", связанныхъ съ

его „сложными и отвѣтственными обязанностями". И, наконецъ, совсѣмъ невзначай, спохватывается:

— Ахъ, господа, заболтался я съ вами!.. Такъ, знаете, пріятно побесѣдовать въ вашей компаніи, такъ отдыхаешь отъ разныхъ „дѣлъ"!.. А вѣдь я къ вамъ съ порученіемъ маленькимъ. Видите ли въ чемъ дѣло: г. начальникъ охраннаго отдѣленія приказалъ передать вамъ, что допросъ вашъ очень затянется, если мы будемъ васъ допрашивать. Вѣдь придется каждому изъ васъ дать подробныя показанія. Это—длиннѣйшая процедура. Она,—какъ это ни непріятно,—задержитъ васъ здѣсь очень надолго. Мы предлагаемъ вамъ сдѣлать гораздо проще: не пожелаете ли вы сами, между собой, установить образъ дѣйствія каждаго изъ васъ... Ну, напримѣръ, гдѣ былъ 23-го, взятъ ли со сходки, или съ улицы, что говорилъ, желалъ ли остаться въ манежѣ дольше другихъ. . Ну, словомъ, разныя мелочи, которыя вамъ *самимъ*, между собой, легче возстановить... Такъ выйдетъ гораздо скорѣе... Вы здѣсь, конечно, потеряете несравненно меньше времени, т.-е. будете гораздо скорѣе освобождены... И хотя вы тутъ живете такой большой и, видимо, очень дружной и веселой компаніей, а все-таки на свободу-то, вѣдь, каждому, разумѣется, хочется выбраться поскорѣе. Тамъ и родные, и занятія, и газеты... Да, кстати,— г. начальникъ охраннаго отдѣленія прислалъ вамъ газеты, господа... Въ случаѣ вашего согласія я сейчасъ же и передамъ ихъ вамъ..."

На эту бойкую рѣчь раздается увѣсистый отвѣтъ изъ нашей толпы:

— Г. жандармъ! Мы выслушали ваше сообщеніе, а теперь извольте удалиться: мы обсудимъ порученіе, переданное черезъ васъ отъ охраннаго отдѣленія, и сообщимъ вамъ наше рѣшеніе.

Г. Спи - вичъ быстро взглянулъ вокругъ, словно ища себѣ поддержки: но на всѣхъ лицахъ онъ могъ прочесть

одно и то же выраженіе брезгливаго желанія поскорѣе избавиться отъ его особы. Ничего не оставалось, какъ постараться уйти „съ достоинствомъ", что г. Спи-вичъ и выполнилъ со свойственнымъ ему жандармскимъ апломбомъ.

За нимъ сейчасъ же захлопываютъ дверь. Камера, набитая биткомъ (мы собрались въ нее изъ всѣхъ другихъ камеръ), гудитъ и бурлитъ, вырываются отдѣльные громкіе возгласы, полные негодующаго протеста и не особенно лестныхъ эпитетовъ по адресу „охранки" и ея посланца.

Обычный предсѣдатель нашихъ сходокъ въ тюрьмѣ товарищъ Ц—ли, завоевавшій наше полное довѣріе и расположеніе, взлѣзаетъ на ближайшія нары, и въ коротенькой рѣчи формулируетъ сущность переданнаго намъ предложенія.

— Товарищи! — раздается его металлическій голосъ, которымъ онъ вбиваетъ, какъ тяжелымъ молотомъ каждое слово въ слушателей, — товарищи! Жандармы предлагаютъ намъ самимъ учинить надъ своими товарищами сыскъ. Объ этомъ нечего долго говорить, — нашъ отвѣтъ, я думаю, ясенъ для каждаго: мы только можемъ съ отвращеніемъ отвергнуть подобныя предложенія; мы не жандармы, мы не сыщики, мы — студенты. И газетами изъ охраннаго отдѣленія насъ не заманятъ, мы не дѣти. Кто желаетъ высказаться по вопросу о сдѣланномъ предложеніи?

Желающихъ не находится. Дѣло слишкомъ ясно для каждаго.

— Въ такомъ случаѣ — предлагаю собранію считать предложеніе г-на Спи—вича единогласно отвергнутымъ, какъ явно нелѣпое и къ намъ не могущее относиться. Кто не согласенъ, прошу поднять руку.

Ни одна рука не поднята.

— Такъ какъ отвѣтъ нашъ отрицательный, то вопросъ

о газетахъ отпадаетъ самъ собой, господа. Не желаетъ ли кто-нибудь по этому вопросу сказать?

Желающихъ не находится.

— Закрываю собраніе, товарищи. Г. офицеръ можетъ войти.

Двери открываютъ. Наша толпа раздается, образуетъ проходъ, по которому развязно проходитъ г. Спи—вичъ.

— Ну-съ, господа, какъ надумали? Вы такъ скоро порѣшили переданное мною столь важное для васъ предложеніе, что оно, вѣроятно, не вызвало особыхъ преній?

Г. Спи—вичъ говоритъ среди общей тишины. Послѣ его увѣренныхъ словъ проходятъ 2—3 секунды мертваго молчанія. Смѣлый, отчетливый голосъ товарища Я—а прорѣзаетъ тишину.

— Г. жандармъ! Мы единогласно отвергаемъ переданное вами предложеніе охраннаго отдѣленія, какъ явно нелѣпое и безсмысленное. Никто изъ насъ не можетъ и не желаетъ пачкать себя жандармскимъ сыскомъ. Что касается газетъ, вы можете ихъ возвратить тѣмъ, кто васъ прислалъ съ ними. Вамъ же лично предлагаемъ удалиться отсюда немедленно и съ подобными порученіями къ намъ впредь не являться.

— Вонъ!.. Долой жандарма!.. Вонъ отсюда!.. Долой!..

Крики, хохотъ, свистъ,—все смѣшивается въ невыносимый „кошачій концертъ", подъ оглушающій вой котораго г. Спи—зичъ торопливо засовываетъ въ свой портфель вынутыя было для насъ газеты [1]), по лицу его судорожно пробѣгаетъ какая-то зеленоватая тѣнь, и онъ быстрымъ шагомъ, утративъ мгновенно весь свой великолѣпный апломбъ, самоувѣренность и элегантность, — почти выбѣгаетъ изъ камеры въ корридоръ, а оттуда къ выходу... Вслѣдъ ему несутся крики: долой жандар-

---

[1]) Нумера „Московскихъ Вѣдомостей"...

мовъ!.. Вонъ отсюда!.. Къ черту!.. хохотъ и свистки, насмѣшливые, заливистые свистки... Конвойные у дверей поглядываютъ то на насъ, то вслѣдъ уже исчезнувшему г. Спи—вичу... И на лицахъ нашихъ тюремныхъ стражей появляются ядовитыя улыбки, направленныя по адресу торопливо пробѣжавшаго мимо нихъ офицера...

IX.

Съ каждымъ днемъ все болѣе крѣпнутъ довѣрчивыя отношенія къ намъ каторжанъ и другихъ „уголовныхъ"[1]). Мы отдѣлены отъ нихъ только двумя рѣшетчатыми дверями. Каждый вечеръ, послѣ ихъ переклички, нашъ хоръ поетъ имъ разныя пѣсни. Особенно по душѣ каторжанамъ пришлась наша „дубинушка" и мощная, свободная „Марсельеза". Нерѣдко бываетъ, что они, увлеченные нашимъ хоромъ, начинаютъ ему подпѣвать. Тюремное начальство пробовало съ этимъ бороться, строго запрещая каторжанамъ слушать наше пѣніе. Но потомъ, очевидно, проникловь тѣмъ естественнымъ соображеніемъ, что отъ пѣсенъ нашихъ уберечь нельзя, т. к. онѣ разносятся по всѣмъ коридорамъ, сквозь рѣшетчатыя двери. Намъ же запретить пѣніе не рѣшались, опасаясь вызвать какой-нибудь непріятный конфликтъ.

Наши ли пѣсни, или что другое, — но каторжанъ къ намъ влекло неудержимо.

Сношеніе же съ нами очень удобно и совершенно свободно, само собой наладилось черезъ „уголовныхъ", подслѣдственныхъ, или отбывавшихъ свои сроки въ тюрьмѣ.

„Уголовные" назначались къ намъ самимъ начальствомъ для небольшихъ услугъ; они же приносили намъ обѣдъ; они же кое-какъ „прибирали" у насъ, хотя этого рода услуги имъ приходилось оказывать намъ очень

[1]) Такъ называли себя арестанты въ отличіе отъ каторжанъ

рѣдко: мы сами старались держать камеры почище. Такимъ образомъ, уголовные бывали у насъ постоянно, каждый день по многу разъ. Вотъ черезъ нихъ-то и начались наши сношенія съ каторжанами.

На первомъ планѣ въ этихъ отношеніяхъ надо поставить безчисленное множество просьбъ „составить прошеніе": кому въ судъ, кому—прокурору, кому—на Высочайшее имя. Такъ какъ среди насъ было не мало юристовъ старшаго курса, то мы и старались прійти своими знаніями на помощь. Для составленія всевозможныхъ просьбъ о справкахъ, прошеній и т. п., у насъ образовалась особая „юридическая комиссія", занявшаяся спеціально этимъ дѣломъ.

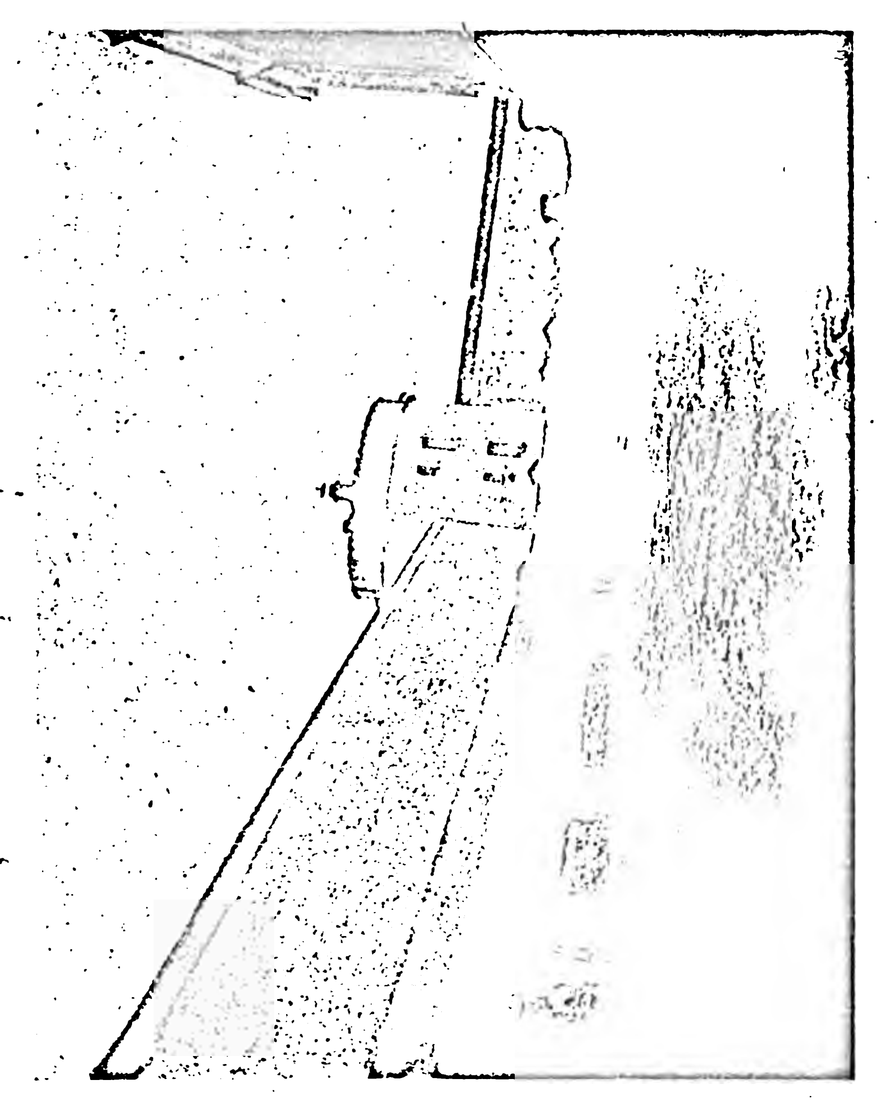
Но кромѣ такихъ дѣловыхъ сношеній, довольно быстро создалась чисто-человѣческая почва отношеній съ каторжанами.

Было, очевидно, для этихъ несчастныхъ, ожидавшихъ отправки на „Сахалинъ-островъ" что-то такое въ нашемъ арестантскомъ положеніи, что дѣлало насъ въ ихъ глазахъ достойными ихъ довѣрія. Мы получали отъ нихъ не мало самыхъ задушевныхъ писемъ, простыя, безграмотныя, еле нацарапанныя строки которыхъ были полны трогательной теплоты, какого - то глубоко затаеннаго чувства братства.

Очень многіе изъ нашихъ неизвѣстныхъ корреспондентовъ выражали намъ горячее, мужественное сочувствіе, „потому что, хотя мы ели грамотные и пропащіе люди, хотя безо всякихъ правовъ, но однако понимаемъ, что вы за правду стоите". „Мы даже очень одобряемъ студентовъ, потому — изъ нихъ много ушло въ Сибирь за народъ".

Такія фразы часто встрѣчались въ письмахъ, адресованныхъ къ намъ. У меня до сихъ поръ хранится небольшой, очень хорошо сдѣланный рисунокъ карандашомъ, присланный однимъ каторжаниномъ: изображенъ

юноша въ разстегнутой студенческой тужуркѣ, старой фуражкѣ, въ очень внимательной позѣ; ему подаетъ сложенную бумагу каторжанинъ снявшій шапку, съ обритой наполовину головою, въ ножныхъ кандалахъ съ цѣпями,

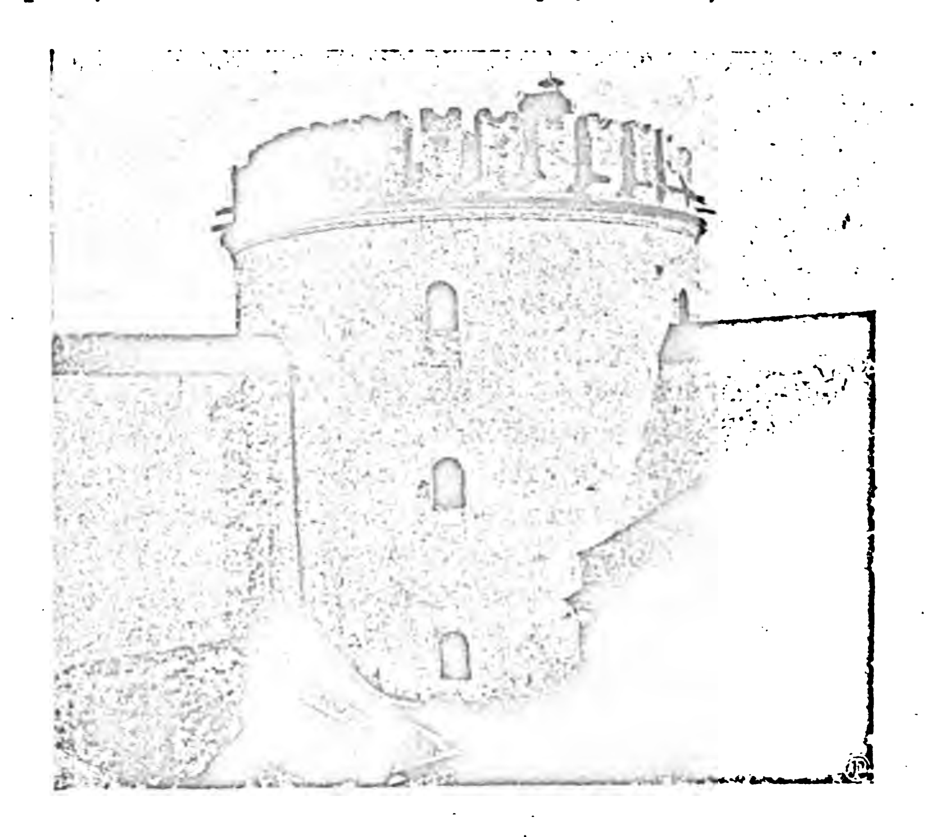
идущими отъ пояса. Оба вполнѣ типичны, особенно каторжанинъ, фигура котораго полна выразительности Нечего и говорить, что всѣ детали, всѣ аттрибуты каторжанскаго „убора" были отдѣланы особенно тщательно...

Когда у насъ сталъ издаваться рукописный журналъ „Бутырскій Вѣстникъ“, то первый № былъ переданъ и каторжанамъ. „Редакція“ сейчасъ же получила цѣлый рядъ устныхъ и письменныхъ благодарностей и просьбъ присылать „непремѣнно“ каждый номеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ просили „почитаться книжекъ хорошихъ, интересныхъ“ и „газетокъ“. Желанія прислушаться хотя краемъ уха черезъ наше посредство къ начаткамъ знанія и освѣдомленности вообще нельзя не отмѣтить, припоминая наши сношенія съ каторжанами.

„Уголовные“ гораздо меньше интересовались всѣмъ этимъ. Но такъ же, какъ и каторжане, неизмѣнно выказывали свое полное сочувствіе намъ и нашему „дѣлу“, о которомъ часто разспрашивали. Всего ярче это сочувствіе выражалось въ неоднократныхъ попыткахъ устроить для насъ сношенія съ „политическими“, томившимися въ одиночкахъ четырехъ бутырскихъ башенъ. На нашихъ „прогулкахъ“, которыми мы пользовались, сравнительно говоря, довольно широко, мы каждый разъ старались незамѣтно приблизиться къ башнѣ, выходившей на участокъ двора, отведенный для нашихъ прогулокъ. Обыкновенно — большинство изъ насъ затѣвало какую-нибудь оживленную возню, чаще всего игру въ снѣжки. Къ самому разгару игры — нѣсколько человѣкъ оказывалось совершенно незамѣтно для караульныхъ какъ бы оттиснутыми въ игрѣ къ стѣнѣ башни. Не принимавшіе же участія въ игрѣ въ это время заговаривали съ карауломъ, чтобы окончательно отвлечь его вниманіе. При такихъ условіяхъ удавалось, хотя и съ трудомъ, завязать небольшой разговоръ съ кѣмъ-нибудь изъ заключенныхъ. Чаще же, къ нашимъ ногамъ падала записка или письмо, которое поручали намъ переслать контрабанднымъ путемъ черезъ приходившихъ къ намъ въ тюрьму на свиданіе.

Я безсиленъ передать всю мучительную гамму чувствъ,

которую вызывали въ насъ эти коротенькіе обрывочные разговоры. Высоко надъ нами, къ маленькому рѣшетчатому окну — приникшее лицо, истомленное, но угрюмо-энергичное. Падаютъ внизъ тихія слова, всего чаще вопросы о главнѣйшихъ событіяхъ недавняго прошлаго. Такъ хочется отвѣтить возможно полно на каждый вопросъ, такъ понимаешь всѣмъ существомъ, какъ *тамъ*

хотятъ знать все, до каждой мелочи, томясь въ безплодномъ одиночествѣ послѣ вѣчно-напряженной атмосферы кипучей политической работы!.. И такъ мало удавалось сказать!..

Какими пустяками становилось послѣ этихъ тяжелыхъ минутъ наше сидѣнье въ Бутыркахъ, какой дѣтской казалась наша идея протеста въ сравненіи съ той, которой отдавали свои силы, таланты, молодость, самую жизнь

люди, сидѣвшіе въ одиночныхъ клѣтушкахъ высокихъ, угрюмыхъ башенъ!

Совершенно непонятными для насъ путями намъ удавалось, черезъ уголовныхъ, передавать *туда* вѣсточки. Насъ тихо благодарили за нихъ иногда на прогулкахъ. Но *оттуда* ничего не доходило до насъ, кромѣ нѣсколькихъ писемъ и записокъ, брошенныхъ изъ-за прутьевъ рѣшетки высокаго крохотнаго оконца. Конечно, какъ только представилась возможность, т.-е. черезъ первыхъ же лицъ, допущенныхъ къ намъ на свиданія, мы поспѣшили исполнить данныя намъ порученія, относясь къ нимъ, какъ къ чему-то родному, какъ къ чему-то завѣщанному намъ...

X.

Почти одновременно къ намъ въ тюрьму проникли 2 документа, которые вызвали среди насъ самые оживленные комментаріи: оба касались непосредственно насъ и дѣла, которое мы пытались отстоять. Такъ какъ оба эти документа достаточно характерны для обрисовки тогдашнихъ взаимоотношеній между профессурой и студенчествомъ на основѣ разъединенности обѣихъ корпорацій, то я и приведу ихъ здѣсь, за что, можетъ быть, читатель на меня и не посѣтуетъ. Разъединенность эта была могучимъ орудіемъ въ рукахъ тѣхъ, кто безжалостно коверкалъ съ 84 года академическую жизнь русскихъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній страны. Печальной памяти Уставомъ 84 года профессорская коллегія, какъ извѣстно, была лишена и научнаго и нравственнаго авторитета, такъ какъ автономныя начала были въ корень парализованы. Профессура была зажата въ административныя тиски. Ея научный уровень неизмѣнно шелъ на убыль, т. к. нерѣдко лучшія научныя силы принуждены были, по независящимъ причинамъ, поки-

дать каѳедры, иногда—на время, иногда—навсегда. Освободившіяся же такъ или иначе каѳедры или пустовали, или замѣщались такими представителями науки, которые тайно, а то и совершенно явно плыли по фарватеру, указанному свыше. При такихъ условіяхъ, не удивительно, что составители „временныхъ правилъ" не затруднились возложить на преподавательскій персоналъ, ничтоже сумняшеся, обязанность выдѣлять изъ себя особыя совѣщанія [1]), подъ предсѣдательствомъ попечителя учебнаго округа или особо назначеннаго властью министра лица, которыя приступаютъ [2]) къ разбору „дѣла" (объ учиненіи „скопомъ" безпорядковъ въ учебныхъ заведеніяхъ или внѣ оныхъ и т. п.) и постановляютъ опредѣленія „объ удаленіи обвиняемаго изъ учебнаго заведенія" и, вмѣстѣ съ тѣмъ, указываютъ „обязательный для удаляемаго срокъ службы въ войскахъ, въ размѣрѣ одного или двухъ лѣтъ" [3]). Что общаго, казалось бы, между этой коллегіей „удалителей" изъ высшаго учебнаго заведенія слушателей и ученой профессорской коллегіей?!. Да ровно столько же, сколько было общаго между всей ученой профессурой и нами, студентами. Профессура являлась въ назначенные часы, читала по установленному расписанію лекціи. Мы, слушатели, были „отдѣльными посѣтителями" университета, которые не смѣли перешагнуть изъ аудиторіи медицинскаго факультета въ аудиторію естественнаго или юридическаго: это было для насъ австралійскимъ табу!

Разрозненные сами въ своей средѣ, разъединенные съ профессурой, разобщенные наглухо въ научной жизни университета, мы, разумѣется, не могли питать боль-

1) Ст. 2.

2) „По непосредственнымъ распоряженіямъ соотвѣтствующихъ министровъ", ст. 3.

3) Ст. 4 и 5.

шихъ надеждъ на поддержку нашего естественнаго протеста противъ „временныхъ правилъ“ и изуродованнаго уклада академической жизни со стороны нашихъ „старшихъ товарищей“, какъ аттестовала себя по старой традиціи профессура.

Однако и при этихъ условіяхъ, которыя я напомнилъ читателю въ видахъ болѣе объективной оцѣнки ниже сообщаемаго факта,—для насъ явилось все же тяжеловѣснымъ сюрпризомъ проявленіе изумительнаго „гражданскаго мужества“ со стороны части московской профессуры, сказавшееся въ полученной нами вырѣзкѣ изъ газеты.

Я позволяю себѣ помѣстить здѣсь этотъ документъ единственно для того, чтобы наглядно иллюстрировать, до какой степени полицейско-бюрократическій режимъ принизилъ и терроризировалъ русскую высшую школу, до какой степени, послѣ подобныхъ фактовъ, нелѣпо и безсмысленно было взывать къ „нравственному авторитету преподавательскаго персонала“, какъ это пытались дѣлать не такъ давно столпы нашей бюрократіи.

Вотъ текстъ этого профессорскаго „отеческаго увѣщанія“, которое мы получили въ Бутырской тюрьмѣ почти одновременно съ отвѣтомъ на него отъ лица группы „старыхъ студентовъ“, приводимымъ ниже. Въ вырѣзкѣ газеты „Русскія Вѣдомости“ отъ 26-го февраля 1901 г., № 56, мы прочли:

„Въ зданіи московскаго университета вывѣшено слѣдующее объявленіе:

Профессоры университета:

Г. И. Новацкій, В. И. Герье, И. Ф. Клейнъ, И. В. Бугаевъ, А. Д. Булыгинскій, А. М. Макѣевъ, Д. Н. Зерновъ, И. И. Нейдингъ, А. П. Лебедевъ, Н. А. Умовъ, В. О. Ключевскій, Н. А. Елеонскій, И. В. Цвѣтаевъ, В. С. Богословскій, А. Т. Фохтъ, К. А, Андреевъ, В. Д. Снегиревъ, Гр. Л. А. Комаровскій, Д. Я. Самоквасовъ, А. И.

Кирпичниковъ, Ф. Ф. Фортунатовъ, А. П. Сабанѣевъ, П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій, В. Ф. Миллеръ, И. Т. Тарасовъ, Р. Ф. Брандтъ, А. С. Алексѣевъ, Д. И. Анучинъ, А. П. Соколовъ, Н. Е. Жуковскій, Ѳ. И. Синицынъ, Г. Е. Колоколовъ, А. П. Павловъ, А. А. Тихоміровъ, В. К. Церасскій, П. Соколовскій, Е. А. Нефедьевъ, С. Д. Бубновъ, Л. М. Лопатинъ, И. Д. Шервинскій, П. Н. Любавинъ, В. А. Тихоміровъ, Н. Ф. Филатовъ, Н. Ю. Зографъ, М. В. Духовской, Н. С. Суворовъ, Б. К. Млодзѣевскій, К. М. Павлиновъ, С. И. Соболевскій, Л. А. Кассо, М. И. Соколовъ, Н. С. Корсаковъ, А. А. Крюковъ, Н. Д. Голубовъ, Н. А. Митропольскій, Н. Д. Зелинскій, П. И. Дьяконовъ, Л. З. Мороховецъ, М. Н. Никифоровъ, И. П. Спижарный, В. К. Ротъ, Л. К. Лахтинъ, К. Д. Клейнъ, А. П. Губаревъ, В. И. Вернадскій, В. М. Хвостовъ, Р. Т. Випперъ, Э. Е. Лейстъ, П. Н. Лебедевъ, Кн. С. Н. Трубецкой [1]), собравшись въ экстренныхъ засѣданіяхъ 24 и 25 февраля, постановили обратиться къ студентамъ съ слѣдующимъ воззваніемъ:

„Когда въ семьѣ случается горе, обязанность старшихъ стать на стражѣ семьи и дать свой совѣтъ. Потому мы, профессоры, ваши учителя, друзья и товарищи по научной работѣ, считаемъ долгомъ обратиться къ вамъ съ совѣтомъ и просьбой.

[1]) Многія имена этого перечня профессоровъ поразили тогда, какъ насъ, такъ и общество своимъ появленіемъ въ приводимомъ документѣ. Скоро мы узнали, что въ „Рус. Вѣд.“ была помѣщена глухая замѣтка о томъ, что какимъ-то непонятнымъ образомъ въ списокъ вставлены были имена и тѣхъ членовъ профессуры, которые *не* присутствовали въ знаменитыхъ засѣданіяхъ 24 и 25 февраля 1901 г. Но никакихъ протестовъ со стороны этихъ, помимо ихъ воли, внесенныхъ въ списокъ профессоровъ, противъ такого произвола не послѣдовало и было бы желательно, чтобы этотъ не выясненный для общества инцидентъ не остался безъ истиннаго освѣщенія.

Чтобы выйти изъ тяжелаго положенія, нужны самообладаніе и вѣра во всепобѣждающую силу истины. Первое необходимо для того, чтобы точно распознать правый путь отъ ложнаго, второе, чтобы уничтожить въ себѣ уныніе духа. Проникнитесь этими двумя началами и выслушайте насъ, какъ людей опытныхъ, проведшихъ десятки лѣтъ въ стѣнахъ университета, дорожащихъ честью и достоинствомъ его и любящихъ васъ.

Васъ запугываютъ, обманываютъ и намѣренно ухудшаютъ ваше и безъ того нелегкое положеніе.

Люди, непричастные къ интересамъ науки и университета, навязали вамъ новое, несвойственное студенту слово и дѣяніе „забастовка“, т.-е. заставили васъ смотрѣть на университетъ, какъ на учрежденіе фабричное, не научное, чтобы такимъ образомъ стереть самое названіе университета. Вдумайтесь въ такое положеніе дѣлъ и скажите по совѣсти, возможно ли такое отношеніе къ университету со стороны людей, посвятившихъ себя изученію науки? Достойно ли это сыновъ русскаго народа,—народа, который послѣднія крохи свои отдаетъ на ваше научное воспитаніе?

„Итакъ, это - путь ложный и опасный. Этимъ путемъ уже достигнуты „временныя правила“; теперь вамъ предлагаютъ продолжать итти тѣмъ же путемъ, и несомнѣнно стремятся ухудшить еще болѣе ваше положеніе. Вамъ устраиваютъ сходки и на эти сходки приглашаютъ людей, совершенно чуждыхъ университету; частное явленіе университетской жизни стремятся раздуть въ общій пожаръ. Въ васъ будятъ страсти, сообщая вамъ ложныя свѣдѣнія, соблазняя васъ мыслью, что въ вашемъ дѣлѣ принимаютъ участіе всѣ учебныя заведенія, и само общество, называя такія факты „грандіозными манифестаціями“. Вамъ печатаютъ и разсказываютъ о вымышленныхъ злодѣяніяхъ, которыя возбуждаютъ ужасъ и трепетъ. Въ вашу университетскую семью за-

влекаютъ довѣрчивыхъ и сострадательныхъ женщинъ, нервность и возбужденность которыхъ еще болѣе смущаетъ и волнуетъ васъ. Вывѣшиваютъ плакаты съ надписью: „Требуемъ отмѣны временныхъ правилъ“, хорошо сознавая, что требованіе равносильно приказу, и тѣмъ отрѣзывая вамъ путь къ отступленію. Въ васъ будятъ чувства жалости и негодованія, смущая васъ перспективой нагайки, и все это совершаютъ люди, не имѣющіе, можетъ быть, никакой связи ни съ вами, ни съ университетомъ, ни съ наукой. Университетъ становится злосчастной отдушиной, черезъ которую люди всѣхъ ранговъ и сословій стараются пропустить свое недовольство политическое, соціальное, экономическое и т. д.

„Университетъ находится въ осадѣ. Какъ же выйти изъ этого положенія? Забудемъ слово „забастовка“ и никогда не примѣнимъ его въ стѣнахъ университета. Выйдемъ изъ тяжелаго положенія путемъ точнаго изслѣдованія фактовъ, единственно вѣрнымъ путемъ. Но для этого необходимо, чтобы жизнь университета не прерывалась, и занятія шли ненарушенными; только при этомъ условіи и при полномъ довѣріи съ вашей стороны профессора получатъ возможность содѣйствовать приведенію въ порядокъ осложненнаго университетскаго дѣла. Мы просимъ васъ:—продолжайте ваши занятія“.

Вотъ какой отвѣтъ это воззваніе части московской профессуры вызвало со стороны „группы старыхъ студентовъ“: *)

„Учителя и наставники наши“!

Мы долго и трепетно ждали вашего авторитетнаго слова. Мы вѣрили, что рано или поздно заговорите и

---

*) Этотъ, не менѣе характерный документъ, я привожу тоже цѣликомъ, благодаря любезности С. П. Мельгунова, въ архивѣ котораго мнѣ удалось его найти и воспользоваться, за что и приношу обладателю мою благодарность.

вы, такъ долго проходившіе мимо насъ. И вотъ, наконецъ, раздалась ваша рѣчь, но... увы, вмѣсто свѣта, котораго мы чаяли, насъ окутала мрачная туча горькаго до боли разочарованія.

„Вы заявляете, что „когда въ семьѣ случается горе—обязанность старшихъ стать на стражѣ семьи и дать свой совѣтъ". Вы далѣе заявляете, что Вы не только наши преподаватели, но друзья и товарищи., Однако, мыслимо ли, чтобы другъ, видя, какъ волна захватываетъ друга,—остался бы спокойно на берегу и, стоя на незыблемой сушѣ, сталъ давать совѣты не купаться въ половодье, не спорить съ могучей стихіей и т. д. Возможно ли, чтобы истинный другъ не сдѣлалъ попытки спасти друга своего, цѣною какихъ бы-то ни было усилій, даже жертвъ? Что же дѣлаете вы, желая доказать свое къ намъ сочувствіе? Вы сами сознаете, что наше положеніе—тяжелое. Вы сами видите дикость „временныхъ правилъ". Но совершили ли вы хоть одинъ шагъ, чтобы облегчить нашу невыносимую участь? Когда же мы, испивъ всю чашу, оказались не въ силахъ больше терпѣть, и рѣшили выразить свой протестъ, какъ дорого онъ не обошелся бы намъ, - Вы, вмѣсто того, чтобы присоединить къ нашему справедливому протесту Вашъ вліятельный голосъ,—даете совѣтъ перейти къ мирнымъ занятіямъ, и оставить на произволъ судьбы нашихъ товарищей, очутившихся въ безконтрольныхъ рукахъ полиціи. Не напоминаетъ ли это вамъ безсмертную притчу о камнѣ, предложенномъ вмѣсто хлѣба? И можемъ ли мы принять этотъ камень, хватитъ ли у насъ способности не только переварить, но даже поднять его? Правда, въ самыя тяжелыя минуты университета, съ высоты почти всѣхъ каѳедръ безъ исключенія не умолкало научное слово, но за то въ пространныхъ аудиторіяхъ часто оказывались лишь немногіе избранники, обладавшіе неизсякаемымъ гражданскимъ мужествомъ и безпримѣр-

ной любовью къ наукѣ, — которая заглушала въ нихъ даже элементарное человѣческое чувство товарищества. Такіе избранники, безъ сомнѣнія, найдутся и теперь, и ихъ неугасимый научный пылъ не остынетъ и безъ вашихъ воззваній. Что же касается насъ, то Ваше обращеніе, заключающее въ себѣ лишь туманные намеки на какой-то путь „точнаго изслѣдованія фактовъ — единственно вѣрный", и не менѣе смутное, ни къ чему не обязывающее, обѣщаніе содѣйствовать приведенію въ порядокъ осложненнаго университетскаго дѣла, врядъ ли поможетъ намъ заглушить мучительный голосъ совѣсти теоретическими и практическими занятіями.

„Въ силу всѣхъ высказанныхъ соображеній, нельзя не признать наивнымъ Ваше, быть можетъ и благодушное, намѣреніе. Въ то же время, мы не можемъ не высказать своего удивленія по поводу и другихъ, столь же, по меньшей мѣрѣ, наивныхъ сторонъ Вашего воззванія. Намъ кажется, что нужно находиться, если не на планетѣ Марсъ, то во всякомъ случаѣ за тридевять земель, чтобы вѣрить миѳу о „людяхъ, непричастныхъ къ интересамъ науки и университета", навязывающихъ намъ новое, несвойственное студенту слово и дѣяніе „забастовка". Нужно обладать поистинѣ щедринскимъ „древманнымъ" окомъ, чтобы не замѣтить зрѣлища 99 года, когда всѣ высшія учебныя заведенія всей пространной Россіи, какъ одинъ человѣкъ, поднялись на защиту элементарныхъ человѣческихъ правъ. Неужели и это было дѣломъ все тѣхъ-же людей-невидимокъ? Неужели для Васъ не очевидно, что сказать фразу: „вамъ устраиваютъ сходки, въ васъ будятъ страсти, вамъ печатаютъ и разсказываютъ о вымышленныхъ злодѣяніяхъ" и т. д., все равно, что сказать: „вамъ устраиваютъ зиму, на васъ сыпятъ снѣгомъ, вамъ отмораживаютъ пальцы" и т. д.? Неужели мы нуждаемся въ агитаціи извнѣ, неужели намъ мало причинъ и фактовъ внутри насъ, чтобы отъ времени до

времени проявлять наши ничѣмъ неукротимые порывы— сбросить съ себя гнетъ? Развѣ намъ мало дѣйствительныхъ фактовъ, чтобы дожидаться какихъ-то еще вымышленныхъ, и неужели все это не ясно для васъ, проведшихъ десятки лѣтъ въ стѣнахъ университета?

„Вы позволили себѣ бросить намъ упрекъ въ неблагодарности по отношенію къ народу, который „послѣднія крохи отдаетъ" на наше „научное воспитаніе".

„Полно, такъ ли это? Неужели всѣ „послѣднія крохи" народа идутъ на наше образованіе? Неужели Вы никогда не слышали, что только два тощихъ процента этихъ крохъ, какъ подачка, ассигнуется на нужды образованія? И неужели Вы можете со спокойной совѣстью рекомендовать намъ подчиниться такому порядку вещей, при которомъ добрая половина микроскопическаго бюджета нашихъ университетовъ тратится на необходимый для нашего духовнаго совершенствованія и научнаго развитія институтъ инспекціи?

„Скажетъ ли дѣйствительно за это спасибо русскій народъ?

„Въ заключеніе, мы ставимъ долгомъ высказать вамъ, чего мы ждемъ и желаемъ отъ Васъ.

„Мы просимъ васъ прекратить лекціи, ибо продолжать наши занятія намъ невозможно прямо физически. Мы просимъ Васъ ходатайствовать объ освобожденіи нашихъ товарищей. Мы просимъ Васъ ходатайствовать о пересмотрѣ университетскаго устава.

„Мы сознаемъ, что исполненіе нашей просьбы, быть можетъ, сопряжено для Васъ съ жертвами. Но развѣ возможенъ активный путь, развѣ возможенъ успѣхъ безъ жертвъ? И развѣ возможно намъ удовлетвориться со стороны „старшихъ товарищей" платоническимъ сочувствіемъ и совѣтомъ „продолжать занятія?!"...

Отъ группы старыхъ студентовъ. Москва, 27-го февраля 1901 года.

Эти два документа вводятъ читателя въ далекій (отъ него (по нынѣшнему времени) кругъ искусственно-поддерживавшихся взаимоотношеній профессуры и студенчества. Странно и больно читать *теперь* печальной памяти „воззваніе" части московской профессуры. Но какъ тяжело и горько, какъ безотрадно-горько было *тогда*, 5 лѣтъ назадъ, прочитать намъ, сидѣвшимъ въ тюрьмѣ, отрѣзаннымъ отъ университета и общества, фальшивыя, явно вынужденныя строки, подписанныя, однако, именами многихъ, отъ которыхъ мы меньше всего могли ожидать столь тяжкаго компромисса, столь очевиднаго противорѣчія между фактомъ и его толкованіемъ!..

Въ тѣ дни намъ, конечно, трудно, почти невозможно было взглянуть на дѣло объективно, поставить „воззваніе" въ естественную связь съ тѣми общими и частными правовыми условіями, которыя могли такъ извратить и унизить положеніе нашихъ „старшихъ товарищей и друзей". Горячей обидой ударили по насъ строки „воззванія", много глубокихъ, затаенныхъ надеждъ на „всепобѣждающую силу истины" разбили въ насъ онѣ!.. И нужно ли осудить многихъ изъ насъ за то, что въ тѣ дни „самообладаніе" не удержало насъ отъ искреннихъ и честныхъ проявленій горькаго разочарованія? Надо ли осудить насъ за то, что мы такъ же, какъ и отвѣтившая „группа старыхъ студентовъ", не смогли спокойно и благонравно проглотить камень, кинутый намъ вмѣсто хлѣба со стола, за которымъ составлено было „воззваніе" 24—25 февраля?!..

XI.

Почти каждый вечеръ у насъ или концертъ устраивается, или объявляется какой-нибудь рефератъ. Чаще всего соединяется и то и другое вмѣстѣ, вечеръ распадается на „два отдѣленія". На другой день въ нашемъ

органѣ прессы „Бутырскій Вѣстникъ“ [1] (рукописное изданіе, скоро вызывающее появленіе на свѣтъ соперника въ лицѣ „Бутырскаго Курьера“, полемизирующаго съ первымъ),—появляются „отчеты“ и „рецензіи“, что, конечно, доставляетъ немало острыхъ минутъ гг. „исполнителямъ“, какъ и во всемъ бѣломъ свѣтѣ!..

Одинъ изъ такихъ вечеровъ посвящается памяти Т. Г. Шевченко,—поэта, имѣющаго немало восторженныхъ поклонниковъ среди нашихъ „хохловъ“.

Камера, гдѣ назначенъ „литературно-вокально-музыкальный вечеръ въ память Т. Г. Шевченко“—заранѣе „очищается“: нары и кровати выносятся, помѣщеніе „насколько возможно“ подметается, кругомъ стѣнъ складываются соломенные мѣшки, служащіе обычно нашими матрацами, а на время „вечера“—„креслами 1-го ряда“. У входа вывѣшиваются категорическія объявленія: „здѣсь курить нельзя“, „просятъ пользоваться для куренія корридоромъ“. Изъ сосѣднихъ камеръ берутся небольшія лампочки и развѣшиваются въ „залѣ“, которая, такимъ образомъ, „блестяще освѣщена“, какъ выражаются рецензенты въ нашихъ „органахъ печати“.

Часамъ къ 6-ти, камера уже начинаетъ наполняться. Въ 7—все занято, оставлена небольшая „эстрада“,—т. е. пара сдвинутыхъ наръ, на которой и подвизаются наши „артисты“.

На этотъ разъ передъ „публикой“ появляется товарищъ-малороссъ, который возстанавливаетъ передъ аудиторіей грустную исторію мытарствъ великаго украинскаго поэта.

Мягкая, южная рѣчь товарища-малоросса звучитъ та-

---

[1]) Всѣ мои розыски этого журнала за 1901 г. не привели ни къ чему, ни однимъ № мнѣ не удалось воспользоваться, какъ интереснымъ и исключительнымъ литературнымъ матерьяломъ, котораго поэтому и не могу здѣсь привести.

кой глубокой любовью къ его родинѣ, такой восторженной влюбленностью въ поэта, что невольно заражаетъ слушателей, несмотря на ораторскіе недостатки, на наивную форму изложенія и видимую непривычку „выступать“ передъ публикой. Все это сглаживается задушевной простотой и искренностью, съ которыми референтъ передаетъ одиссею Шевченки, находу вплетая въ свою рѣчь обрывки изъ произведеній поэта, которые авторъ декламируетъ съ глубокимъ подъемомъ чувства, быстро переходящаго въ трогательный паѳосъ...

Надо вспомнить, что для „реферата“ въ распоряженіи докладчика не было ничего, кромѣ его любви къ поэту и собственной памяти, бережно сохранившей біографію Шевченки и длинныя цитаты изъ его „Думъ“, пѣсенъ и поэмъ!

Аудиторія награждаетъ референта дружными апплодисментами, и направляется въ корридоръ покурить. Во второмъ „отдѣленіи“ программа обѣщаетъ намъ „художественное чтеніе отрывковъ изъ произведеній Т. Г. Шевченко и исполненіе малороссійской капеллой пѣсенъ на текстъ чествуемаго поэта“.

Но второй половинѣ программы не суждено было осуществиться. По корридору, во время „антракта“ разносится сенсаціонное извѣстіе: къ намъ явился помощникъ начальника тюрьмы съ сообщеніемъ, что „въ канцелярію тюрьмы пріѣхали гг. деканы университета для снятія показаній съ гг. студентовъ“.

Эта новость такъ неожиданна, что мы не успѣваемъ даже разобраться въ ней. Тутъ же, въ корридорѣ, наскоро рѣшаютъ, что хотя появленіе въ тюрьмѣ гг. декановъ и несообразно съ ихъ званіемъ и полномочіями, но интересно и важно узнать, зачѣмъ они пожаловали, и какого рода „допросъ“ намъ пожелали учинить въ стѣнахъ тюрьмы представители факультетовъ.

— Пусть первые по списку пойдутъ къ деканамъ... Надо же узнать, какъ они будутъ допрашивать!

— Идите, товарищи, говорите, конечно, правду, намъ скрывать нечего. Но говорите каждый за себя самого...

Съ такими напутствіями первые по списку, вызванные помощникомъ начальника тюрьмы, отправляются въ канцелярію. Мы ожидаемъ ихъ возвращенія съ большимъ напряженіемъ. Мы теряемся въ догадкахъ и предположеніяхъ. Скептики безнадежно, съ ѣдкой горечью „осаживаютъ" оптимистовъ, которые пытаются видѣть въ пріѣздѣ декановъ нѣчто свѣтлое.

— Ну, посудите, господа, — горячится одинъ юный „академикъ", — зачѣмъ бы имъ пріѣзжать въ тюрьму, если они не рѣшили безпристрастно выяснить наше дѣло? Вѣдь все же они профессора, все же университетъ имъ близокъ?

— Не отъ охранки же они пріѣхали въ самомъ дѣлѣ,— поддерживаетъ другой...

— Э, господа, вы еще ихъ мало, видно, знаете. Вѣдь это же чиновники, и больше ничего. Отъ нихъ добра ждать нечего,—машетъ рукой одинъ изъ „стариковъ", видавшій всякіе виды.

— Ну, всего ожидалъ, а не этакой исторіи,—говорятъ въ другой группѣ.

— Прямо неслыханная вещь! Пріѣхать въ тюрьму учинять допросъ!... Чортъ знаетъ что! - возмущается какой-то медикъ старшихъ курсовъ.

— Ну, подождемъ, вѣдь узнаемъ же сейчасъ, какой они тамъ допросъ учинили... Кто его знаетъ, можетъ и надумали что за эти дни...

Вдругъ, отдѣльныя группы срываются съ мѣстъ, бѣгутъ къ входнымъ дверямъ... Толпа затихаетъ: ходившіе на допросъ въ канцелярію вернулись.

— Товарищи!—обращается одинъ изъ вернувшихся, — деканы ведутъ допросъ тенденціозно... Они пытаются „ловить" насъ, подставляютъ намъ вопросы болѣе чѣмъ сомнительнаго свойства. Отъ ихъ допроса несетъ не уни-

верситетомъ, а „охранкой“!.. Товарищи! Неужели такой сыскъ совмѣстимъ съ университетскимъ представительствомъ? Неужели мы не обязаны нравственно отказаться на-отрѣзъ отъ допроса, чинимаго съ пристрастіемъ? И кто же производитъ его?.. Профессоры, деканы факультетовъ старѣйшаго русскаго университета! Стыдъ и позоръ... Мы должны протестовать противъ такого образа дѣйствій представителей факультетовъ! Мы должны указать, что деканамъ не мѣсто въ стѣнахъ тюрьмы, гдѣ они собрались во имя интересовъ сыска позорить университетъ, профессору, студенчество и общество!

— Долой декановъ!.. Не ходить на допросъ! Пусть ѣдутъ обратно... Долой! Мы не пойдемъ!.. Позоръ!.. Срамъ!..

Возбужденіе наше быстро достигаетъ крайнихъ предѣловъ. Густой толпой мы подходимъ вплотную къ рѣшетчатымъ дверямъ, черезъ которыя наши негодующіе крики несутся въ помѣщеніе, занятое гг. деканами. Мы знаемъ хорошо,—тамъ слышно все, отъ слова до слова, если говорить громко.

— Товарищи!... Марсельезу!..

— Марсельезу!.. Вѣрно!.. Марсельезу!.. Пусть слушаютъ!.. Довольно!.. Терпѣли, вѣрили, ждали!.. Довольно!.. Долой сыскъ!.. Долой сыщиковъ!.. Марсельезу!..

Впереди всѣхъ, прижавшись спиной къ прутьямъ двери, какой то высокій студентъ, сурово и страстно взмахнулъ руками, и громовымъ раскатомъ грянула мощная пѣсня свободы и отреченія „отъ стараго міра“. Пѣли всѣ,—съ негодованіемъ, съ надрывомъ душевнымъ, со всей горечью кровной обиды, со всей страстью горячаго нравственнаго протеста...

У дверей металась безпомощно фигура помощника начальника тюрьмы, что-то пытавшагося говорить, съ умоляющимъ выраженіемъ испуганнаго лица. Никто не обращалъ вниманія на эти попытки. Пѣсня гремѣла неумолчно, наполняя корридоры и переходы тюремнаго корпуса...

Это озлобленное, изступленное пѣніе длилось не меньше получаса... Въ немъ была неотразимая сила, противъ которой не рѣшились итти: сила искренняго, единодушнаго неудержимо-рвавшагося протеста...

И долго потомъ не могла успокоиться въ насъ эта клокотавшая сила, слишкомъ велика и неожиданна была горечь обиды, слишкомъ чудовищнымъ былъ въ нашихъ глазахъ компромиссъ, приведшій къ такому печальному шагу тѣхъ, кто называлъ себя нашими „старшими товарищами и друзьями"..

На слѣдующій день помощникъ начальника тюрьмы заявилъ намъ, что отъ университета въ канцелярію тюрьмы присланы особые опросные листы, которые мы должны заполнить нашими отвѣтами, для чего каждый изъ насъ будетъ вызываться въ канцелярію. Мы пожелали сначала ознакомиться съ содержаніемъ поставленныхъ въ листахъ вопросовъ, для чего и просили доставить намъ въ камеры нѣсколько экземпляровъ. На это согласились, мы обсудили каждый пунктъ вопросныхъ листовъ на своемъ общемъ собраніи, выработали общій для нѣсколькихъ группъ типъ отвѣтовъ, и затѣмъ ходили подвое, по-трое въ канцелярію, гдѣ и писали установленные отвѣты. Въ этомъ, однако, не надо видѣть никакого насилія надъ личной совѣстью: каждый остался воленъ писать, что угодно,—отвѣты были установлены на общемъ собраніи только въ общихъ чертахъ и по самымъ *основнымъ* пунктамъ, касавшимся *общаго* дѣла.

Такъ попытка оказать на насъ „отеческое воздѣйствіе" свести нашъ протестъ на „домашнюю" почву, импонировать намъ своимъ ученымъ и „товарищескимъ" авторитетомъ—рушилась, давъ совершенно обратный эффектъ: ранѣе подточенный фактами и событіями авторитетъ на этотъ разъ самъ подрубилъ сукъ подъ собой, собственноручно свелъ себя съ пьедестала, на который огромное

большинство изъ насъ еще взирало съ почтеніемъ, вѣрой и надеждой!..

На этомъ инцидентѣ мнѣ приходится оборвать свое изложеніе, т. к. вскорѣ началось освобожденіе многихъ изъ насъ на поруки, затѣмъ — высылка „по мѣсту жительства“. Въ числѣ другихъ, былъ взятъ на поруки и я. Но небольшая группа настаивала на необходимости дальнѣйшаго сидѣнія въ Бутыркахъ, сколько помнится — мотивируя свое рѣшеніе тѣмъ, что при такой формѣ протеста скорѣе будетъ достигнута цѣль движенія—отмѣна „временныхъ правилъ“ и въ то же время — сильнѣе будетъ давленіе общественнаго мнѣнія въ пользу отказа правительства отъ подобной „мѣры воздѣйствія“. Т. к. настоящія строки писаны только въ предѣлахъ личныхъ воспоминаній, то заключительныхъ событій въ Бутырской тюрьмѣ я не излагаю.

Протестъ московскаго студенчества былъ подхваченъ и въ другихъ городахъ. Результатомъ его — была частичная побѣда: „временныя правила“ фактически болѣе не примѣнялись. Но общее положеніе академическаго вопроса оставалось прежнимъ.

Система искусств[illegible] въ самомъ [illegible]нной разъединенности студенчества [illegible] себѣ и въ отношеніи къ профессурѣ, полицей[illegible]й сыскъ, грубая цензура научной мысли, развиваемой съ каѳедры, общее приниженное и неестественное положеніе высшихъ учебныхъ заведеній,—всѣ прелести антиавтономнаго академическаго строя продолжали процвѣтать и чувствительно подчеркивать свою тождественность съ общими политическими условіями, въ которыхъ задыхалась страна.

Слѣдующій годъ — принесъ съ собой новый мощный взрывъ протеста въ средѣ академической молодежи, — протеста, на этотъ разъ рѣзко окрашеннаго въ политическій цвѣтъ.

Движеніе за одинъ годъ разрослось съ неслыханной силой... Оно ждетъ еще своего историка, который бы вскрылъ его идеологическія основы и привелъ ихъ въ связь, между прочимъ, и съ московскими событіями 1901 г., которыя я пытался передать съ ихъ конкретной стороны, имѣя возможность возстановить ихъ только по однимъ личнымъ воспоминаніямъ.

